

ЕВГЕНИЙ РЫСС
ДЕВОЧКА
ИЩЕТ
ОТЦА

ЕВГЕНИЙ
РЫСС

ДЕВОЧКА
ИЩЕТ
ОТЦА

ПОВЕСТЬ

Издательство „Детская литература“ Москва 1969

Дорогие читатели!

В этой повести рассказывается о маленькой дочке знаменитого советского генерала, которая во время Великой Отечественной войны осталась одна на земле, оккупированной гитлеровцами.

Я знаю много историй о том, как гитлеровцы стремились захватить жён, родителей или детей советских военных.

Подробности походов Лены Рогачёвой мне пришлось выдумать. Я не знаю, как звали её названного брата и как фамилия учителя, скрывавшего Лену, и фельдшера, который вылечил её от тяжёлой болезни. А в Советской Армии, во время войны, не было генерал-полковника по фамилии Рогачёв.

И всё-таки в основе этой повести лежит правда. Рискуя жизнью, спасали советские люди жён, родителей и детей солдат и офицеров, сражавшихся с гитлеровцами.

Автор

Рисунки А. Парамонова

Дочери моей Наташе

Глава первая

*Семья Ивана Игнатьевича Соломина
увеличивается на одного человека*

Жил в Белоруссии, в тихом городишке Запольске, старый учитель Иван Игнатьевич Соломин с внуком Колей. Жили они совсем одни, в маленьком деревянном домике. Колины родители умерли, когда Коля был совсем маленький. У Ивана Игнатьевича была ещё дочь Валя, Колина тётка, но она жила в Москве и уже много лет никак не могла выбраться навестить отца.

Ивану Игнатьевичу было шестьдесят три года, а Коле — девять. Утром они вдвоём отправлялись в школу: Иван Игнатьевич — учить, а Коля — учиться.

Вернувшись из школы, готовили вместе обед. За обедом рассказывали друг другу новости: Коля — про свой класс, Иван Игнатьевич — про другие классы. Потом Коля готовил уроки, а Иван Игнатьевич просматривал тетради учеников. Иногда вечером Коля уходил в кино или на каток, а Иван Игнатьевич садился почитать книжку или шёл к доктору Кречетову сыграть партию в шахматы. За ужином обсуждали всё, что случилось за день, и ложились спать: Коля — пораньше, Иван Игнатьевич — попозже.

Когда приходили письма от Вали, из Москвы, Иван Игнатьевич торжественно читал их Коле.

Каждую весну Валя писала:

«...Непременно постараюсь этим летом приехать к вам с Леночкой. Привезу показать тебе внучку, а Коле — двоюродную сестру».

В наследство от отца Ивану Игнатьевичу достался маленький домик, стоявший в глухом лесу, километрах в пятидесяти от Запольска и километрах в десяти от ближайшей деревни. Отец Ивана Игнатьевича был лесником и больше всего в жизни любил лес. Со времени его смерти домик стоял заколоченный. Иван Игнатьевич и Коля всё собирались летом съездить туда — надо было забрать вещи отца, хранившиеся у знакомого старика в деревне, да и просто хотелось отдохнуть летом в лесу. Из-за Вали каждый год откладывали поездку. Думали, что уж в этом году приедет она с маленькой Леночкой.

Однако ждали напрасно: каждую осень Валя присылала письмо и сообщала, что на этот раз приехать не удалось, но уж будущим летом они приедут обязательно.

Наконец и ждать перестали.

В сорок первом году, когда занятия кончились, Коля поехал в пионерский лагерь. Иван Игнатьевич остался один и очень скучал без внука.

— Сдай ты комнату на лето,— посоветовал доктор Кречетов.— Всё-таки будешь среди людей жить.

— И денег получите, Коле новую шубу сошьёте,— добавила соседка Авдотья Тимофеевна.

Иван Игнатьевич подумал и наклеил объявление о том, что сдаётся комната.

Утром наклеил, а вечером пришли военный с женой и маленькой белокурой девочкой.

— Лена,— сказала девочка и протянула руку.

Военный засмеялся.

— Полковник Рогачёв,— сказал он.— Моя часть стоит недалеко за городом, а жена с дочкой приехали из Москвы на лето. Хотят быть ко мне поближе.

В тот же день перевезли вещи. Утром полковник уехал в свою часть, а жена его с дочкой остались жить у Соломина.

Очень скоро старик привязался к девочке. Девочка была ласковая, весёлая, и Соломину казалось, что ему наконец привезли из Москвы внучку, которую он никогда не видел. Внучку тоже звали Леной, ей было тоже четыре года, и, судя по письмам, она была такая же белобрысая, с таким же маленьким вздёрнутым носом.

Лена Рогачёва целые дни возилась в садике, а когда темнело, садилась к Соломину на колени, да так и засыпала. Она звала его дедушкой. Он ей рассказывал интересные истории и обещал взять к себе в школу учиться.

Однажды утром Лена проснулась от громких ударов, которые раздавались где-то совсем близко. Мамы в комнате не было. Лена позвала её — мама не откликнулась. Тогда Лене стало страшно. Она собралась заплакать и уже открыла рот, как вдруг ухнуло так громко, что она и про слёзы забыла. Задрезжали стёкла, с потолка упал кусок штукатурки. Над самой крышей с рёвом прошли самолёты.

Теперь ухало где-то далеко. По улице, крича и переговариваясь, пробежали люди. Потом стало тихо. Лена слезла с кровати и стояла, соображая, нужно ли плакать или лучше просто открыть дверь и пойти поискать маму. В это время в комнату вошёл дедушка. Увидев его, Лена спросила:

— А где мама?

— Надо одеваться, Леночка, — сказал Иван Игнатьевич. — Надо идти. Мама нас ждёт.

Он стал торопливо её одевать, долго искал чулки и чуть не надел платье наизнанку. Лена засмеялась и вывернула платье.

Дед очень торопился. У него дрожали руки. Всё-таки в конце концов Лена была одета, и они вышли на улицу.

— Где мама? — снова спросила Лена.

— Идём, идём, — повторял дед. — Надо торопиться.

Он не мог сказать девочке, что мама её убита одной из первых упавших на город бомб.

Они пробежали всю улицу. Сразу за последними домами начинался лес.

В лесу было очень много людей. Брели старики, опираясь на палочки. Шли целые семьи. Маленьких детей вели за руки или несли на плечах. Одни плакали, другие молчали, третьи разговаривали. Некоторые сидели у дороги и смотрели на проходящих. Пожилой мужчина лежал под деревом. Нога у него была замотана тряпками. Девочка лет двенадцати сидела рядом, всхлипывала и тёрла глаза кулаками.

Лена останавливала деда, спрашивала его, почему лежит человек, почему плачет девочка и где всё-таки мама. Дед не отвечал, а только торопил её и говорил, что надо идти скорей, как можно скорей, что мама их ждёт, что они идут к маме.

Они шли весь день.

До лагеря, где находился Коля, было шестьдесят километров. Они шли весь день, ночевали в лесу вместе с чужими людьми. У Соломина болели ноги, дышалось тяжело, замирало сердце. Часто ему приходилось брать Лену на плечи.

Прошёл ещё день, потом опять ночь. Лена перестала удивляться и решила, что это так и полагается: ходить по лесу, ночевать у костра или просто под деревом, есть ягоды, изредка пить молоко и как лакомство сосать корочку хлеба.

Только через три дня они подошли к лагерю, но детей в лагере уже не было. По дорогам ходили гитлеровские патрули и на плохом русском языке опрашивали проходящих, кто, куда и зачем идёт.

Соломин объяснял, что он, мол, старик, инвалид, ушёл от бомбёжки в лес, теперь возвращается домой. А девочка — внучка. Называть Лену внучкой было безопасней. Рассказывали, что с семьями военных гитлеровцы особенно жестоки.

«Матери у бедняжки нет, — думал старик, — отец — неизвестно, жив ли и где. Пусть будет моей внучкой».

Колю Соломин разыскал не сразу. Он оказался в соседней деревне: добрые люди приютили его.

Коля заплакал и заулыбался, увидев деда. Дед тоже всхлипнул от радости. Они расцеловались, потом Иван Игнатьевич поднял на руки Лену.

— Вот, — сказал он, — это твоя новая сестрёнка.

— Лена? — удивился Коля. — Они приехали наконец! А где твоя мама, Лена?

Соломин предостерегающе нахмурился. Коля замолчал. За эти три дня он уже хорошо узнал, как гибнут люди во время войны.

Соломин назвал Лену Колиной сестрёнкой, желая этим сказать только то, что отныне Коля и Лена будут расти вместе, как брат и сестра. Но Коля по-

нял его слова точно. Коля решил, что Лена дочь тётки Вали, той самой, которая давно уже обещала приехать. Сначала это смутило Соломина. Он хотел объяснить ошибку, но подумал, что, может быть, лучше, если Коля будет считать девочку настоящей своей сестрой.

И, посмотрев на Лену, он промолчал.

На ночь они все трое устроились на сеновале. Лена скоро уснула, а Иван Игнатьевич и Коля стали решать, что делать дальше.

О возвращении в Запольск они и думать не хотели.

Долго разговаривали дед и внук. Кругом было тихо, монотонно верещал сверчок, собака позвякивала цепью, в хлеву иногда шевелилась корова, и, если бы не зарево дальних пожаров, можно было бы подумать, что войны нет.

— Знаешь, Коля, — сказал наконец старик, — пойдём-ка мы с тобой в наш лесной домик! Встанем завтра пораньше да и пойдём. Отсюда недалеко, к вечеру дойдём до деревни, переночуем, а послезавтра дома будем. Думаю, что ничего случиться там не могло. Места глухие, пустынные, гитлеровцы вряд ли туда доберутся. Поживём пока, а выгонят фашистов — вернёмся в город.

Коля сразу же согласился.

Лесной домик стоял в стороне от дороги. Тропинка, которая вела к нему, давно заросла травой. Соломин и сам чуть не заблудился, а не бывавшему тут человеку ни за что бы сюда не добраться.

Прежде всего новые жильцы занялись осмотром своих владений.

Сохранился дом отлично. В нём никто не бывал с тех пор, как умер отец Соломина. Столы и лавки, кровати и табуреты требовали лишь небольшой починки.

В шкафу оказалось четыре чашки, два ножа и три ложки. В русской печке стояли три чугунных горшка разной величины. С посудой было более или менее благополучно. Ещё лучше оказалось с инструментом. Отец Соломина был хозяйственный человек. Две простые пилы и одна лучковая, колун, два топора, три косы, бруски для отбивки кос, напильники для правки пил, набор плотничьих инструментов, изрядный запас гвоздей — всё это было аккуратно уложено и очень мало попорчено. Одно из двух вёдер ржавчина проела насквозь, другое же, оцинкованное, было совершенно цело. В погребе стояли три кадки. Они рассохлись, но, после того как их несколько дней помочили в озере, разбухли и перестали пропускать воду.

На следующий день Соломин пошёл в деревню, чтобы забрать отцовские вещи, хранившиеся у знакомого старика. Там оказалось много полезного: и праздничное платье матери Соломина, и старые, но исправные сапоги — их, видимо, надевали только по большим праздникам, — и бельё, и штук пять русских рубах, и два одеяла, и большой запас иголок и ниток. Но больше всего обрадовался Соломин, найдя два больших овчинных тулупа и две пары валенок. Иван Игнатьевич не мог унести всё сразу, и пришлось ходить несколько раз. Только через неделю всё было перенесено. Тогда развязали узлы, разложили вещи по местам.

Пока всё убирали, стемнело. На лучинках согрели воду. Выпили кипятку. Лене постелили постель, и она сразу заснула.

Иван Игнатьевич и Коля вышли и сели на крыльцо. Деревья стояли не шевелясь. Серебряное озеро сверкало внизу. Отсюда, с холма, на котором стоял дом, на много километров виден был бесконечный лес. Нигде ни деревеньки, ни дома, ни дыма костра.

Только ели, берёзы, озёра. Это безлюдье и пугало и успокаивало.

— Ничего,— сказал Иван Игнатьевич.— Проживём как-нибудь, а там и наши скоро вернутся. Не может быть, чтобы не вернулись.

Глава вторая

Жизнь в лесном домике

Всё-таки сначала им было очень трудно. Питались они рыбой, грибами и ягодами. Правда, рыба клевала, как только крючок уходил под воду, земляники, малины и черники было столько, что даже Лена без труда собирала большую корзинку, а ведро грибов можно было набрать возле самого дома. Но без хлеба и соли жить было невозможно. Соломин принёс из деревни немного, но запасы очень скоро кончились.

Первое время пришлось Соломину часто ходить в деревню. Лена скучала без деда, к которому очень привязалась, а Коле было не только тоскливо, но и страшно. По ночам, когда Лена спала, Коля часами сидел без сна. Луна заглядывала в окна, деревья шевелили ветвями, но кто его знает, деревья это или чужой человек? Может, тут и дикие звери водятся — волки, медведи? Выйдет огромный волк из лесу, поднимет окровавленную морду к луне и завоет. Страшно! Шуршали мыши под полом, половицы порой потрескивали.. Коля засыпал только на рассвете.

Иван Игнатьевич приносил из деревни соль, муку и однажды купил даже немного ржи для посева. Жизнь в лесном домике понемногу налаживалась.

Однажды на закате Коля с дедом пилили дрова, и Коля забыл пилу на полянке перед домом. Хватились, когда уже было темно. За ночь пила могла

заржаветь от росы. Коле очень не хотелось выходить из дому, но он постеснялся признаться деду и вышел. Тени деревьев расплывались, принимали странные формы, двигались. Было страшно, а пила, как назло, запропастилась куда-то. Всё-таки Коля нашёл её и уже подходил к дому, как вдруг отчётливо услышал тяжёлый вздох. Он остановился и стоял не двигаясь, весь замирая от страха. И так же отчётливо он услышал шаги. Трава и сухие листья шуршали под чьи-то ногами. Коля заставил себя обернуться. Освещённое лунным, неверным светом, на полянке стояло животное — не то огромный волк, не то что-то ещё более страшное. Коля вбежал в дом и слова не мог выговорить, только дышал и указывал рукою на дверь.

Иван Игнатьевич схватил топор и выскочил. Через минуту он, смеясь, позвал Колю. У крыльца стояла рыжая с белыми пятнами корова и смотрела на Колю глупыми добрыми глазами.

Очевидно, корова пришла откуда-то издалека, из разорённой гитлеровцами деревни. Если даже её хозяева и остались живы, найти их всё равно было невозможно, а без хозяев корова погибла бы. Соломин решил оставить её у себя.

Дела прибавилось. Пришлось, отточив косы, взяться за косьбу, чтобы заготовить на зиму сена. Научиться доить тоже было не так уж просто. Но теперь у них всегда было молоко, простокваша, творог. Осенью вскопали участок земли и посеяли рожь.

Зимой Соломин ещё несколько раз ходил в деревню.

Коля и Иван Игнатьевич целые дни были заняты: пилили и кололи дрова, задавали сено корове, убирали навоз, через день ходили на озеро ловить в проруби рыбу. Коля научился изрядно плотничать, сделал почти без помощи деда хорошие санки и многое починил в доме. Один тулуп распорол и из ов-

чин сшили Лене отличную шубу. Лена много была на воздухе, каталась на санках, лепила снежных баб и за всю зиму не болела ни разу.

Темнело зимой рано. Когда, закончив дневную работу, садились обедать, уже синело за окнами. После обеда зажигали лучину. В доме было тепло, почти жарко. Лена, забравшись на кровать, тихо играла с тряпичной куклой: укладывала её спать, готовила ей обед или пересказывала ей слышанные от деда сказки. Иван Игнатьевич и Коля чинили что-нибудь по дому, штопали или шили. Тогда открывалась «вечерняя школа».

Иван Игнатьевич был учителем, Коля — учеником, а Лена — просто любопытным слушателем. Иван Игнатьевич рассказывал о южных и северных странах, о путешествиях Ливингстона и Стэнли, об открытии Южного и Северного полюсов. Иногда они устраивали долгие путешествия, тянувшиеся три или четыре вечера. Они садились на большой океанский корабль и отправлялись вокруг света. Тёплые ветры дули над океанами. Обезьяны резвились на пальмах. По ночам страшно ревели львы. Плавно покачиваясь на верблюдах, пересекали путешественники пустыню. Но вот холодный ветер дует им в лицо. Близко север. Тюлени резвятся на льдинах. Погоня оленей, мчатся путешественники по гладким ледяным полям. Скоро полюс. Ветер вздымает и крутит снег. Но путешественникам не страшна непогода. Сквозь пургу и ветер идут они всё вперёд.

Иногда они отправлялись в прошлое. Они видели, как войска Грозного штурмуют Казань, как работает русский плотник Пётр на голландской верфи, торжествовали, когда шведов разбили под Полтавой. С Суворовым они шли через Альпы, и у них кружилась голова — такие страшные пропасти открывались под ногами...

Допоздна затягивалось путешествие. Ветер выл и свистел в лесу, шумели и гнулись деревья. Снег доверху заносил замёрзшие маленькие оконца.

Наигравшись, засыпала Лена. Лучина, догорев, падала в кадку с водой. Так кончался день.

По ночам волки подходили к дому. Утром ясно видны были их следы. Пришлось сделать крепкий запор в хлеву и наглухо заколотить оконце.

Прошла первая зима. Перед весной Соломин сходил в деревню и, продав две рубашки всё из того же неиссякаемого сундука, купил посадочного картофеля. Как только сошёл снег, начались полевые работы.

Работали с утра до позднего вечера, не разгибая спины. До крови стёрли руки. Долго не могли заснуть — так болело всё тело. Но всё-таки вскопали довольно большой участок, посадили картошку. В июне косили сено. Лена приносила воду усталым косцам и сама пасла корову.

Снова пришла осень. Урожай оказался хорошим. Подпол заполнился картофелем. Долго не могли придумать, как молотить рожь. Пришлось толочь её в деревянной ступке. Это было очень трудно. Решили варить крутую ржаную кашу и есть её вместо хлеба. Настоящий хлеб пекли только по торжественным дням.

Всё реже вспоминала Лена прежнюю жизнь. Даже фамилию свою она помнила плохо, и, когда дедушка сказал как-то, что фамилия её Соломина, Лена легко в это поверила.

Вторая зима прошла значительно легче. Картофеля было достаточно. Накопили пудов пять рыбы, засушили грибов. Жизнь стала налаженной и спокойней. Каждый день работала «вечерняя школа». Теперь и Лена училась. К весне она умела читать, правда не очень быстро, и даже с грехом пополам писала печатными буквами. К сожалению, в лесном

Лена приносила воду усталым косцам.

доме не было ни книг, ни бумаги, ни чернил. Лена училась читать по заваливающейся в шкафу растрёпанной книге «Лесное хозяйство». Единственный карандаш, найденный в доме, был исписан почти до конца. Рассказы Ивана Игнатьевича, как они ни были интересны и поучительны, не могли заменить учебников. Между тем надо было заниматься дальше. Вопрос этот долго обсуждался, и наконец решено было, что, как только потеплеет, Иван Игнатьевич сходит в Запольск к старому своему товарищу, доктору Кречетову, и постарается достать у него учебники, бумагу, чернила и перья.

Глава третья

Доктор Кречетов сообщает удивительные вещи

До осени Соломину не удалось выбраться в город. Весной начались полевые работы, потом сенокос, огород требовал ухода, и Коле одному было не под силу справиться. Только в сентябре, когда всё убрали, засыпали в подпол картошку и овощи, обмолотили рожь, заготовили дрова на зиму, Соломин наконец отправился в путь.

С волнением подходил он к родному городу. Он не был в нём больше двух лет. Что стало за это время с друзьями его, с соседями, с бывшими его учениками? Кого из них он не застанет в живых? Как его встретят оставшиеся? Наконец, что они расскажут ему?

Два с лишним года он почти ничего не слышал о том, что происходит в мире. В деревню сведения доходили плохо, да Соломин и боялся спрашивать. Он не хотел, чтобы на него обращали внимание. Соломин чувствовал, что больше он не может оставаться в неизвестности. В сущности говоря, это и было

главной причиной, заставившей его предпринять рискованное путешествие. Немного не доходя до города, он свернул с дороги и до сумерек просидел в лесу. Когда стало темнеть, он вошёл в город. Улицы были пустынные и тихи, все окна были наглухо закрыты и занавешены.

Перед домом доктора Кречетова Соломин остановился. Дом казался пустым. Долго Соломин не мог решиться постучать.

В самом деле, что он знал о Кречетове? Может быть, его давно уже нет, может быть, тут живут гитлеровские офицеры или чиновники и Соломин попадётся как кур во щи! Но долго стоять на улице тоже было опасно. Его могли задержать.

Соломин решился и постучал.

Дверь долго не открывали. Наконец послышались осторожные шаркающие шаги, и женский голос спросил:

— Кто там?

— Мне нужно видеть Евгения Андреевича, — негромко сказал Соломин.

За дверью перешёптывались. Потом мужской голос спросил:

— Кто меня хочет видеть?

— Евгений Андреевич, — сказал Соломин, — это я, Иван Игнатьевич. Открой, пожалуйста.

Загремел засов, дверь отворилась. Доктор Кречетов, похудевший и совсем седой, стоял, вглядываясь в темноту. Вдруг он резко шагнул вперёд, схватил Соломина за руку, втащил его в сени и, осторожно притворив дверь, задвинул засов. Положив руки на плечи Соломину, он порывисто обнял его и трижды поцеловал. Потом подозрительно покосился на дверь и спросил:

— Тебя никто не видел? Нет? Ну хорошо, хорошо, пойдём.

Через пять минут старики сидели в мягких креслах в кабинете Кречетова, улыбались, смотрели друг на друга и не могли насмотреться.

— Живой! — всё удивлялся Кречетов. — Ах, Иван, Иван, ну и живучи же мы, старики!

Оба так радовались встрече и так разволновались от радости, что разговор никак не мог завязаться.

Александра Андреевна, сестра Кречетова, накрыла стол холщовой салфеткой, поставила хлеб, тарелку солёных груздей, банку мочёной брусники и принесла самовар. Соломин раньше не любил маленькую ехидную старушку, сплетницу и завистницу, но сейчас и на неё смотрел с удовольствием. Александра Андреевна разлила чай в большие чашки с синими цветами и вышла из комнаты.

Над столиком висела лампа, и свет её казался Соломину удивительно ярким. Негромко шумел самовар. Окна были закрыты ставнями и наглухо занавешены шторами. Соломину на секунду показалось, что всё приснилось ему. Может быть, не было ничего: ни войны, ни оккупации, ни жизни в диком лесу. Просто встретились они, старики, чтобы сыграть партию в шахматы, попить чайку, поболтать. Вдруг Кречетов вздрогнул и стал прислушиваться.

— Ты не слышишь? — спросил он. — Патруль, кажется.

Действительно, с улицы глухо доносились шаги. Они прошли мимо дома и стихли. Кречетов снова развеселился, отхлебнул чаю и весело посмотрел на Соломина.

«Нет,— подумал Соломин,— всё это было и есть: и война и оккупация. В городе гитлеровцы, а мы, как звери, прячемся в норах».

— Ну,— сказал Кречетов,— рассказывай.

Соломин покачал головой.

— Я потом расскажу,— сказал он. — Я всё это

время жил так одиноко, что не знаю ничего. Сначала расскажи мне, что происходит в мире.

Кречетов покосился на окно, потом перегнулся через стол и прошептал:

— Под Москвою разбили!

— Это точно? — шёпотом спросил Соломин.

Кречетов кивнул, рассмеялся и потёр руки. Потом он снова наклонился к Соломину.

— Под Сталинградом, — прошептал он, — окружили гитлеровскую армию — и... — Он сделал красноречивый жест.

— Уничтожили? — спросил Соломин.

Кречетов кивнул и рассмеялся.

— Потом на Северном Кавказе... Потом под Таганрогом... В Донбассе, на Украине...

Глаза его смеялись, он торжествовал.

— Ну и что же теперь? — спросил Соломин.

— Гонят! — шепнул Кречетов.

— Куда?

— Обратно... В Германию.

Старики посмотрели друг на друга и рассмеялись.

— Вояки! — сказал Соломин. — Хозяева мира!

— Вот-вот... — У Кречетова сделалось таинственное лицо. — Подожди, я сейчас покажу тебе.

Снова покосившись на окно и прислушавшись, не слышно ли шагов на улице, он достал из ящика маленькую карту Европы, вырванную из учебника географии. Старики склонились над ней.

— Только осторожно, — сказал Кречетов, — не надо делать никаких пометок. Часто бывают обыски, и к картам очень присматриваются.

Старики долго сидели над картой и возбуждённо перешёптывались. Вглядываясь в извилистые линии рек и маленькие кружки городов, Соломин видел движение огромных армий, дым и пламя великих битв и близкое уже освобождение.

Потом Кречетов спрятал карту.

— Теперь рассказывай ты, — сказал он.

Прихлёбывая чай, Соломин стал неторопливо рассказывать о том, как судьба подкинула ему чужую девочку, как разыскал он Колю, как поселились они в лесном доме, как постепенно наладили хозяйство, как живут там втроём, точно робинзоны на необитаемом острове.

Кречетов слушал очень внимательно, удивлялся, качал головой, восторгался и несколько раз, взволнованный, вскакивал со стула и начинал шагать взад и вперёд по комнате.

— Я тебе завидую, — сказал он, когда Соломин кончил рассказ. — С какой бы радостью я жил так, как ты, не слыша этих проклятых патрулей, которые всё время шагают под окнами!

Он посидел задумавшись, потом вздохнул и резким движением отставил пустую чашку.

— Ладно, — закончил он, — довольно! Чем больше об этом думаешь, тем больше расстраиваешься. Что же ты собираешься делать с Леной? Ведь отец её, может быть, жив.

— Если жив, — ответил Соломин, — мы найдём его после войны. Сейчас искать безнадежно.

— Да-да, — задумчиво согласился Кречетов. — Ты говоришь, полковник и часть его стояла здесь?.. Как его фамилия? Может, я слышал случайно.

— Рогачёв, — сказал Соломин.

— Рогачёв? — переспросил Кречетов. — А имя и отчество?

— Степан Григорьевич.

— Степан Григорьевич? — Кречетов подался вперёд. — И ты о нём ничего не слышал?

— Нет, ничего.

— Ну, уж действительно, должен сказать, ты жил, как медведь в берлоге!

— Да что такое? Что с ним случилось?

— Ничего не случилось, а только Степан Григорьевич Рогачёв ныне один из самых знаменитых генералов Красной Армии.

Наступила пауза. Старики молча смотрели друг на друга.

— Слушай,— сказал Соломин,— это же очень опасно. Что, если немцы доищутся, что дочь Рогачёва живёт у меня?

— Конечно, опасно,— согласился Кречетов.— Тут даже поговаривали, что семья Рогачёва была в Запольске. Хорошо, что никто не знает, куда ты девался. Все думают, что ты погиб при бомбёжке.

— Я хотел повидать кое-кого из старых знакомых...— заикнулся было Соломин.

— Нет, нет,— Кречетов замахал руками,— ни в коем случае! Имей в виду: за всеми следят, слушают каждое слово. Я прошу тебя, даже сестре ничего не рассказывай. Она, конечно, не донесёт, но знаешь — женщина, сболтнёт где-нибудь... Кстати, надо попросить её согреть ещё самоварчик.

Он распахнул дверь. Раздался стон. Александра Андреевна стояла в дверях, приложив руку ко лбу.

— Ну можно ли так! — сказала она недовольно.— Ты мне шишку набил.

— Саша?— удивился Кречетов.— Что ты делала здесь, за дверью?

— Я хотела подогреть самовар, он, наверное, остыл уже.

Она схватила самовар и, негодуя, вышла из комнаты.

Старики проговорили до рассвета. Кречетов рассказал всё, что знал о Рогачёве. Полковник Рогачёв прославился в боях под Москвой. Части генерал-майора Рогачёва нанесли один из главных ударов под Сталинградом. С тех пор фамилия Рогачёва гре-

мела на многих фронтах и во многих битвах. Он, как вихрь, прошёл по Донбассу. Героя Советского Союза генерал-лейтенанта Рогачёва восторженно встречали освобождённые области Украины.

Приглушив голос, Кречетов спел песню о Рогачёве. Эту песню поют на освобождённой земле, но она известна и здесь, у них, в ещё не освобождённом Запольске. Кречетов пел совсем тихо, почти шёпотом. Надо было быть осторожным. Недавно фашисты расстреляли девушку за то, что она рассказывала о Рогачёве.

— Он на нашем фронте,— сказал Кречетов.— Запольск будут брать его войска.

Весь следующий день Соломин просидел в комнате, Кречетов запрещал ему даже подходить к окнам.

В сумерки Соломин ушёл из города. Он нёс полный комплект учебников, запас бумаги, перьев, чернил и карандашей. Всё это под разными предлогами выпросил Кречетов у знакомых. Соломин шёл, и ему казалось, что каждый встречный с подозрением смотрит на него. Перед тем как свернуть в лес, он долго оглядывался и свернул, только убедившись, что на дороге никого нет.

Детям он ничего не рассказал о Рогачёве.

Жизнь в лесном доме пошла по-старому. Настала зима, снег занёс дом почти до крыши. Занятиям в этом году уделяли больше времени. Коля проходил дробы, учил по настоящим учебникам историю и географию. По воскресеньям устраивались экзамены.

Дети совсем привыкли к лесной жизни. Коля теперь уже не боялся таинственных лесных зверей. Зато Иван Игнатьевич спал плохо. Всю зиму его мучил ревматизм. Ноги опухли, и он с трудом доходил до озера. Ворочаясь без сна на постели, старик думал: «Только бы дожить до прихода наших! Лену отдам отцу, Коля в школу пойдёт, а мне и отдохнуть можно

будет». С этими мыслями он засыпал, но, заснув, сразу же просыпался. Ему казалось, что гитлеровцы подходят к дому, что дом уже окружён, что за Леной пришли. Часто днём он вдруг начинал внимательно оглядывать лес. Ему казалось, что между деревьями что-то мелькает. Он щурил близорукие глаза, спрашивал, не видит ли Коля кого-нибудь, недоверчиво качал головой, когда Коля говорил, что никого нет, и снова пристально всматривался, пока не начинали болеть глаза.

Но зима прошла благополучно, наступила весна, потом лето. Был на исходе июнь 1944 года.

Глава четвёртая

В лесной домик приходит неизвестный человек

После жаркого июльского дня солнце скрылось за лесом. Потянуло прохладой. Туман осел в низинах, в озере заплескалась рыба. Наступал вечер.

По лесной тропинке шёл человек. Он был невысок и коренаст, обут в сапоги, одет в холщовые штаны и рубаху. Но, несмотря на крестьянскую одежду, что-то было в его лице и походке неуловимо городское, и неестественно выглядела на нём холщовая одежда.

У человека была только одна рука. Левый, пустой рукав был засунут за пояс. Вещевой мешок висел на одном только правом плече, и, чтобы он не болтался, человек придерживал его локтем.

Сквозь деревья блеснуло зеркало озера. Тропинка свернула и пошла склоном холма. Осины и ёлки сменились берёзами. Потом из-за белых стволов показалась серая стена сарая. С одной стороны тянулось картофельное поле, с другой колосилась рожь, в серых сумерках казавшаяся серебряной.

На вершине холма одиноко высились две огромные берёзы. Между ними стояла изба, срубленная из толстых брёвен, крытая потемневшей от времени дранкой. Отражаясь в маленьких окошечках, пылало багровое солнце.

Человек снял шапку, сунул её под мышку, вытер пот единственною своею рукой и спокойно огляделся вокруг.

На крыльце, не двигаясь, сидел старик и в упор смотрел на пришедшего. Седые, давно не стриженные волосы спускались почти до самых плеч. Седая борода острым и длинным клином свисала на грудь. Он казался сказочным, этот старик, да и всё кругом было сказочно: одинокий дом на вершине холма, серебряное озеро внизу, таинственно молчащий лес.

— Добрый вечер, дедушка! — сказал пришедший громко и весело.

— Добрый вечер, — нехотя ответил старик.

— Иван Игнатьевич Соломин здесь живёт?

— Здесь.

Пришедший посмотрел на старика очень внимательно.

— Это не вы ли будете?

— Нет.

— Так-так... — Пришедший присел на крылечко рядом со стариком. — Ты что же, дедушка, — спросил он, — вместе с Соломиным тут живёшь?

— Нет.

— А где же? (Старик показал рукой куда-то в глубь леса.) В деревне? (Старик мотнул головой.) Просто в лесу? (Старик кивнул.) Значит, лесной человек и бобыль? (Старик снова кивнул.) А где Соломин?

— На озеро ушёл... на рыбалку... недели на две... — Старик как будто с трудом подбирая слова.

— А ты почему здесь?

На крыльце, не двигаясь, сидел старик.

— Посторожить просил.

— Понимаю. И далеко это озеро? (Старик пожал плечами.) Не знаешь?.. И что же, вместе с девочкой ушёл?

Пришедший переиграл. Он слишком равнодушно спросил о девочке и хотя отвернул при этом лицо, но, скосив глаза, уж очень внимательно глянул на старика. Старик не показал, что заметил этот взгляд.

— С какой? — спросил он. Лицо его по-прежнему ничего не выражало.

— С маленькой, — сказал пришедший, — которая с ним живёт. Приёмыш, что ли.

— А-а, — протянул старик, — живёт какая-то маленькая. Внучка, что ли.

— Так с нею он пошёл или без неё?

— С нею, наверное.

— Так... А далеко это озеро?

Старик снова пожал плечами.

— Ах да, я забыл, ты ведь не знаешь! Значит, вернётся он через две недели? Так-так...

Пришедший достал из кармана кисет и сложенную газету.

— Куришь? — спросил он, протягивая кисет старику.

Старик оживился; что-то похожее на улыбку показалось на его лице, и рука потянулась к кисету.

— Значит, это мы любим? — сказал пришедший. — Скучновато, значит, без табачку? Что же, дело хорошее, только ведь, знаешь, сейчас с табачком трудно. Дорогая вещь нынче табак. — Он как будто не замечал руки старика, протянутой за табаком. — Очень нужно мне Соломина повидать, — говорил он рассеянно. — Я, понимаешь, старый его ученик. В школе у него учился. Он меня хорошо знает. Обязательно нужно мне ему одну вещь сообщить. Исключительно для него важную. Может, ты вспомнил

бы, дедушка, где это озеро? Я б тебе табачку дал. У меня в мешке три стакана. Как, дедушка, а?

Колебания очень ясно отразились на лице старика. Ему, очевидно, не хотелось говорить, где ловит рыбу Соломин, но табак был совсем рядом, вот здесь, и целых три стакана. Он вздохнул, сожалея о своей слабости, и сказал:

— Этой тропкой дойдёшь до озера — и забирай вправо. Вёрст пять пройдёшь, на просёлок выйдешь. По просёлку влево бери. Версты три до речки. Там по-над берегом тропка пойдёт до большого озера — вёрст десять, а на озере избушка стоит, лесорубы сложили. Там они и живут.

Пришедший повеселел, ловко управляясь единственной рукой, развязал вещевой мешок и достал свёрток с махоркой.

— На,— сказал он,— кури на здоровье. Значит, всего вёрст двадцать будет?

Старик не слушал. Он торопливо свернул папироску и ушёл за огоньком в избу. Пришедший завязал мешок, вскинул его на плечо и быстро зашагал по тропинке вниз. Он скрылся за деревьями. Сучья хрустели под его ногами. Хруст затих. Внизу, около озера, мелькнула казавшаяся отсюда маленькой его фигурка и окончательно исчезла в густой зелени.

Тогда медленно открылась дверь избы, и старик вышел на крыльцо. Он постоял, внимательно вглядываясь в лес, и трижды громко крикнул иволгой. Лес молчал. Потом другая иволга ответила троекратным криком. Старик ждал, щуря глаза. Он плохо видел в сумерках. Вот опять на тропинке хрустнули сучья. Из-за деревьев вышли мальчик и девочка. Мальчику было на вид лет четырнадцать. Он шёл уверенно и ровно. Так ходят люди, привыкшие к лесу. Лицо его обветрилось и загорело. От этого глаза казались особенно светлыми, почти белёсыми.

Девочке было лет семь. У неё был вздёрнутый носик с тремя веснушками на кончике и такие большие глаза, что казалось, они широко раскрыты от удивления. Два крысиных хвостика — две косички прыгали у неё за плечами.

— Разве уж поздно? — спросил мальчик.

— Мы видели в озере сома! — перебила девочка.

— Да,— сказал мальчик.— Вот такого большого...

— Усатого и сердитого! — перебила девочка.

— Да,— сказал мальчик.— Мы слышали дятла...

— Когда мы подошли, он улетел,— перебила девочка.

— Я нашёл новый малинник...— сказал мальчик.

— Огромный-преогромный! — перебила девочка.

— И Лена съела столько малины,— сказал мальчик,— что я не понимаю, как она не умерла.

— Вот как,— сказал старик,— значит, ей не хочется сладкого. А у меня есть мёд, и я хотел, чтобы она испекла нам лепёшки.

— Ничего,— сказала Лена,— мёд я могу есть. Печка топится?

— Топится, и дрова наколоты. Пока ты печёшь, мы с Колей посидим поговорим.

Лена ушла в избу.

— У нас мало времени, Коля,— сказал, помолчав, старик,— а мне многое нужно тебе сообщить. Я не думал, что так скоро нам придётся расстаться...

Глава пятая

В дальний путь

Тени над лесом сгустились, бледные звёзды проступили на светлом небе, а дед и внук всё ещё разговаривали.

— Я так привык, что Лена моя сестра, — сказал Коля. — Почему ты обманул меня, дедушка?

— Ты был ещё мал. Да и что это изменило бы? Не о том сейчас речь. Подумай, как важно для гитлеровцев захватить дочь Рогачёва! Как страшно они могут ему отомстить! И как я посмотрю Рогачёву в глаза, если он придёт сюда и спросит: «Как же вы дочь мою не уберегли?»

— Нельзя, — сказал Коля, — нельзя, дедушка. Как это так — не уберегли! Обязательно убережём. Да и кто узнает? Здесь же нет людей. Я знаю такие места, что никто не отыщет.

Он огляделся. Со всех сторон к ним подходил лес. Тянулись чёрные тени от деревьев, изгибались белые ветки берёз. Вышла луна, и в призрачном её свете ветки казались руками, а стволы — туловищами странных лесных уродов.

— Здесь, в лесу, нет фашистов, — неуверенно сказал мальчик, — здесь никто не может узнать.

Дед, понизив голос, ответил:

— Узнали, Коля! Не знаю, как, но узнали.

— Почему ты думаешь? — спросил Коля.

— Сегодня ко мне пришёл человек. Он был одет крестьянином, но он не крестьянин. Он разговаривает по-городскому, и мешок у него завязан не так, как крестьяне завязывают мешки. Он принял меня за сторожа. Странный человек — невысокий, с добродушным, слишком добродушным лицом, без левой руки.

— Зачем же он приходил? — шёпотом спросил Коля.

— Он спрашивал про девочку, которая живёт у Соломина, — шёпотом ответил старик.

— Что ты ему сказал?

— Я сказал, что Соломин с детьми ушёл на рыбалку, на озеро. Я услышал его за двадцать километров.

Двадцать километров туда и двадцать обратно — завтра к вечеру он будет здесь.

— Что же делать?

— Завтра к вечеру ты и Лена будете далеко отсюда.

— А ты?

Дед помолчал; усталое было у него лицо.

— Я останусь,— сказал он.— Ты знаешь, я не могу ходить. Я вам буду только помехой. Ты уже большой мальчик, Коля. Я думаю, ты знаешь не меньше городского школьника. Кроме того, ты три года провёл в лесу. Ты не трус, и сообразительности у тебя хватит. Ты не боишься?

— Нет, не боюсь. А куда нам идти?

Дед пожал плечами:

— Что я могу тебе сказать? Лучше всего, если б тебе удалось провести Лену через фронт и доставить её отцу, генерал-лейтенанту Степану Григорьевичу Рогачёву, или хотя бы любому командиру или бойцу Красной Армии. Если это тебе не удастся — а это, Коленька, очень трудно,— надо доставить её партизанам. Куда — не знаю. Они спрячутся в лесах, их надо найти.

— Понимаю.

— Если и это не удастся, надо затеряться среди людей и ждать, пока придут наши.

— Хорошо. Куда нам сейчас идти, как ты думаешь?

— Идите в Запольск, к доктору Кречетову. Писать я ему ничего не буду, это опасно. Если он не узнает тебя — ты ведь вырос за эти годы,— скажи ему, что ты мой внук. Только наедине, чтобы не было посторонних.

— Понимаю.

— А Лене не говори, кто её отец. Она мала, может проговориться.

Они шли, взявшись за руки.

— Хорошо, дедушка.

— Не думал я,— повторил дед,— что придётся нам с тобой расстаться...

— Ужинать! — крикнула с крыльца Лена. Она стояла в дверях, маленькая, худощавая; две косички лежали у неё на плечах.— Лепёнки готовы. Доставай мёд, дедушка!

За ужином сообщили Лене, что утром она и Коля отправляются путешествовать. Лена сначала заволновалась, но у деда и брата были такие весёлые лица, что предстоящее путешествие стало казаться очень интересным. Весело собирали вещи и связывали их в два маленьких узелка. Весело легли спать и проснулись весёлые. Грустно было только расставаться с дедом. Лена всплакнула, целуя его на прощанье, но дед уверенно сказал, что они скоро увидятся. Слезы у Лены высохли, и она опять развеселилась.

Утро было чудесное. Сверкала роса, птицы проснулись и так радостно желали друг другу доброго утра, что путешествие показалось ещё привлекательнее, чем накануне.

Простились с дедом у озера. Старик долго стоял и смотрел им вслед. Они шли, взявшись за руки, высокий мальчик и маленькая девочка, и каждый из них держал на плече палку с привязанным на конце узелком. Они скрылись уже за деревьями, но долго ещё доносились их оживлённые голоса. Потом голоса стихли.

Весь день старик просидел на крыльце. Он вздыхал, шевелил губами и опять вздыхал. Вечером неизвестный человек снова подошёл к дому. Старик равнодушно посмотрел на него. Неизвестный человек сказал:

— Вы ловко меня провели, Иван Игнатьевич, но вам придётся жестоко раскаяться в этом!

Неизвестный человек обгоняет Колю и Лену

Лена и Коля шли по лесной тропинке. Скоро осталось позади озеро, тропинка вывела на просёлок, и просёлок, изгибаясь, побежал по сухому сосновому бору. До сих пор места шли знакомые: здесь дети бегали, здесь они играли, а за той огромной сосной Коля однажды спрятался и до смерти перепугал Лену. Дальше начиналась неизвестная область, страна, в которой они ещё не бывали. Стало чуточку страшно, но очень интересно. Всё время они делали замечательные открытия. Лена нашла огромный муравейник. Таких больших возле их дома не было. Отойдя в сторону от дороги, они попали на грибные места и быстро набрали столько грибов, красных и белых, что уже их некуда было класть.

К вечеру показалась деревня. Но Коля решил обойти её — во избежание неприятных встреч.

Это была страна лесов, холмов и озёр. Днём дети выкупались в чудесном озере, потом разложили небольшой костёр, очистили и сварили в котелке грибы. Коля, срезав удилице (леска и крючки у него были с собою), выловил штук десять плотичек, и они сварили отличнейшую уху. После обеда заснули и проспали часа два.

Солнце уже склонялось к западу, когда Коля проснулся, а Лена спала бы, наверное, ещё долго, если бы он не разбудил её. Окунулись в воду, оделись и пошли дальше.

На закате вышли на шоссе. Коля начал учить Лену, что отвечать на расспросы. Не так-то просто было выдумать историю про себя. Решили, что они будто бы жили в деревне Алексеевке — километрах в пятидесяти была такая деревня, — а потом родителей их угнали в Германию, а они пробираются в го-

род, к доктору Кречетову, который приходится им сродни.

Время от времени навстречу попадались люди. Это были большей частью крестьяне. Один раз в легковой машине проехал фашистский офицер с женщиной. Он объяснял что-то, показывая на лес, а женщина смотрела испуганно и недовольно.

На повороте дороги стоял бревенчатый, засыпанный землёю блиндаж, обнесённый колючей проволокой. Гитлеровцы сидели около и покуривали, равнодушно поглядывая на дорогу. Днём они чувствовали себя спокойно.

Мимо блиндажа старик гнал свинью с тремя поросятами. Один из солдат встал, ловким движением схватил поросёнка. Поросёнок отчаянно завизжал и задрыгал ножками, но солдат с размаху швырнул его в блиндаж. Старик испуганно оглянулся, но солдат на него даже не смотрел, и старик, хлестнув хворостиной свинью, заторопился дальше.

Стало темнеть. Дети свернули в лес, выбрали место поровнее и посуше, сгребли кучу листьев, зарылись в неё и заснули. Ночь прошла спокойно. Иногда по шоссе проезжала машина, да один раз вдали вдруг началась перестрелка и так же неожиданно оборвалась. Утром поели хлеба и пошли дальше.

Коля решил добираться до города пароходом. Он знал со слов деда, что шоссе ведёт к пристани и что пароход, идущий в Запольск, пристаёт к этой пристани каждый вечер.

Дорога становилась оживлённей. Чаще стали попадаться деревни. Чаще проезжали машины, патрульные ходили взад и вперёд.

Днём они купили молока у какой-то старухи. Сначала, когда они спросили, нет ли продажного молока, старуха на них накричала.

— Откуда молоко? — возмутилась она. — Самим

есть нечего! Внуки родные неделями молока не видят.

Потом она вдруг подобрела и спросила, кто они такие и откуда идут. Они рассказали про родителей, которых угнали гитлеровцы, и про родственника, живущего в городе. Старуха, сердито ворча, вошла в избу, вынесла крынку молока и ни за что не хотела брать денег. А потом вдруг опять стала ругаться, так что дети испугались и поскорее ушли. Они долго думали, добрая она или злая, но так ничего и не могли решить.

Лена очень устала, но держалась молодцом. Когда Коля предложил ей отдохнуть, она отказалась. Коля решил, что всё-таки время отдыхать. Они залезли в кусты, поспали часок и пошли дальше. Дорога круто повела вниз. Они увидели перед собой широкую реку, плавно текущую между лесистыми берегами, большое село, раскинувшееся на берегу, и пристань. Но самое главное — совсем близко они увидели пароход. Пришлось прибавить ходу. К счастью, вниз идти было легко.

Сзади раздался грохот колёс и громкий крик: «Посторонись!» По дороге мчалась телега. Большая гнедая лошадь скакала галопом. Седой мужичок дёргал вожжами и чмокал. Сзади на сене трясся и подпрыгивал человек, обутый в сапоги, одетый в рубаху и подпоясанный верёвкой. Он внимательно посмотрел на детей и поднял было руку, как будто хотел остановить лошадь, но передумал. Телега промчалась мимо и скрылась за домами.

Всё-таки дети не опоздали. Кассирша продала им билеты третьего класса, и они быстро побежали к сходяням. Возле пристани стояла обогнавшая их телега, и человек, погонявший лошадь, теперь привешивал ей к морде мешок с овсом.

На пароходе поют песню. Неожиданный сосед

Нижняя палуба была забита народом. Люди сидели на чемоданах, на мешках, прямо на палубе. Коля и Лена с трудом нашли свободное местечко, попросив потесниться какую-то тётку. Пароход зашвистел, загудел, зашумел, под колёсами закипела вода, пристань поплыла сначала вперёд, потом назад, а за пристанью поплыли мимо дома, деревья, крутые, обрывистые берега.

Лена в первый раз видела пароход. Она вздрагивала при каждом гудке, испуганно схватила за руку Колю, когда поплыла пристань, как заморожённая смотрела на движения шатунов и колёс в машинном отделении. То и дело она дёргала Колю и шептала ему в самое ухо:

— А что это круглое?

— Спасательный круг, — так же шёпотом отвечал Коля.

— А что это толстое, высокое?

— Это труба.

Тётка, сидевшая рядом с ними, долго к ним приглядывалась и наконец заговорила.

— Что это вы, ребята, всё шепчетесь? — начала она. — Вам бы побегать по палубе, капитана бы пойти посмотреть, как он там командует. Теперь, конечно, туда только немцев пускают, а прежде кругом одни русские. Наверху — русские, внизу — русские, везде — русские, а немцы — те у себя в Германии сидели.

Сидевшие вокруг стали оглядываться на женщину, а некоторые даже подавали ей какие-то знаки: молчала бы, мол, лучше, дурёха, влипнешь как кур во щи! Но женщина совершенно не умела держать язык за зубами.

— Да-да,— сказала она громко в ответ на предостерегающие взгляды,— сама знаю, что нельзя говорить, а ничего с собой не могу поделать. Мне и муж всегда говорил, покуда его не посадили: «Молчала бы ты». А я и рада бы, да не выходит. Одним спасаюсь, что дьяволы эти по-русски ни бе ни ме, а на русского подлеца покуда не налетала. Ну, а если уж налечу, тут мне и конец.

Она невесело усмехнулась и замолчала.

В это время, угрюмо поглядывая то вправо, то влево, по палубе прошёл гитлеровский солдат.

Никто не посмотрел на него, никто, казалось, не заметил его, но сразу стихли на палубе разговоры. Придаться было не к чему, и солдат прошёл мимо.

— Пронесла нелёгкая! — сердито сказала женщина вслед солдату.

Темнело, и многие стали устраиваться спать. Кто подкладывал мешок под голову, кто пристраивался на плече у соседа, кто старался как-нибудь вытянуть ноги. Коля и Лена смотрели на берега, проплывающие мимо, на огоньки в окнах домов, на деревья, низко склонившиеся над водой. Как, оказывается, велик мир! Как мал кусочек земли, на котором прожили они три года! Сёла, деревни и города раскинуты по земле, и в каждом домике живут люди, и у каждого человека своя история, может быть ещё более необычная, чем история Коли и Лены.

Монотонно шумела вода под колёсами, пыхтела машина. Многие уже спали, и каждому, наверное, снилось что-то своё — кому радостное, кому грустное.

Кто-то — в темноте не было видно кто — тихо наигрывал на балалайке. Он начинал один мотив, бросал его, не закончив, переходил на другой, но и этот бросал, как будто думал, переходя мыслью с одного на другое. Потом он негромко запел. Коля не

знал этой песни и не вслушивался в неё. Вдруг он вздрогнул, услышав отчётливо произнесённую фамилию — Рогачёв.

— Что с тобой? — лениво спросила Лена; она успела уже задремать.

— Ничего, — сказал Коля, — ты спи. — И стал напряжённо слушать.

Певец пел вполголоса, но, так как все кругом притихли, каждое слово песни было отчётливо слышно.

Леса затаили великое горе, говорилось в песне, колосья приникают к земле не от тяжести зерна, а от тоски и муки. Девушки выплакали глаза, старухи высохли от несчастий, а мужчины и юноши вдалеке от родной земли вспоминают дом и рвутся в родные места через огонь и смерть. И вот через леса и болота, сквозь стены огня и металла идут на выручку рогачёвские полки. Дни сменяются ночами, и снова приходят дни, и всё ближе и ближе к родному краю подходят полки генерала Рогачёва.

В полутьме певец негромко повторял припев: «Всё ближе и ближе к родному краю ведёт полки генерал Рогачёв».

Потом он вдруг ударил по струнам и запел весёлые частушки.

Снова по нижней палубе прошёл гитлеровский солдат, шагая по ногам и туловищам, как по доскам.

— А кто это — Рогачёв? — негромко спросила Лена; оказывается, она не спала и слушала песню.

— Спи, — ответил Коля. — Это один знаменитый советский генерал.

— Который сейчас со своими полками подходит к нашим местам, — раздался голос над самым Колиным ухом.

Коля обернулся. Человек, обогнавший их на телеге, сидел рядом.

— Говорят, между прочим, Рогачёв уже очень недалеко, — добавил он.

Люди кругом спали в странных и неудобных позах, храпели и бормотали во сне. Кажется, никто не подслушивал.

— Совсем близко? — спросил Коля.

— Говорят, совсем близко, — сказал незнакомец, — да ведь кто его знает, правда ли.

Коле очень нравилось, что взрослый человек так солидно беседует с ним о военных делах. Но незнакомец сразу перешёл на другую тему.

— А вы что же, — спросил он, — далеко едете?

— В город, — сказал Коля.

— По делу или так?

Коля рассказал историю, которую они с Леной выдумали по дороге. Незнакомец очень посочувствовал и сказал, что в городе родные, конечно, помогут. Из осторожности Коля не назвал фамилии доктора Кречетова.

Незнакомец полез в мешок, достал пакетик и сказал, разворачивая его:

— Позвольте мне вас сахарком угостить.

Что-то странное было в его движениях. Несмотря на то что было темно и Коля с трудом различал его фигуру, он всё время чувствовал какую-то ненормальность, неправильность в движениях незнакомца.

— Берите, берите, — говорил он.

«Почему он делает всё одной рукой?» — подумал Коля и почувствовал, что сердце у него замирает.

Рядом кто-то зажёл спичку и прикурил. При короткой вспышке неверного света всё сразу появилось перед Колиными глазами: пустой рукав, засунутый за пояс, холщовые штаны, вещевой мешок, добродушное, слишком добродушное лицо.

Лена взяла сахар, а у Коли пересохло во рту и

сердце упало куда-то вниз. Спичка погасла. Снова было темно. Пока незнакомец уговаривал Лену взять ещё кусок, Коля мучительно думал, что делать. В это время пароход загудел. Лена вздрогнула, а потом засмеялась и что-то кричала, но слов её разобрать было невозможно, потому что гудок заглушал всё. Тусклые огоньки показались на берегу.

— Пристань, — сказал однорукий.

— Хочешь, Лена, пойдём посмотрим, — сказал Коля.

Однорукий привстал — он собирался идти вместе с ними.

— Если можно, — быстро сказал Коля, — посмотрите пока за вещами.

Было очень жалко терять вещи: там были и хлеб и жареная рыба, но, если они возьмут узелки, однорукий пойдёт вместе с ними.

К счастью, деньги были у Коли в кармане. Дети стали пробираться через палубу, полную людьми. Сходни уже спустили. Лена удивилась, когда Коля повёл её вниз, на пристань.

— Мы не опоздаем? — спросила она.

— Ничего, — сказал Коля, — идём.

Они быстро прошли по пристани мимо мешков и бочек. Пароход загудел. Здесь он стоял очень недолго. Лена заволновалась:

— Коля, пароход сейчас отойдёт!

Коля молча тащил её за собой.

Они миновали домики, стоявшие возле пристани, и поднялись на крутой берег. Тут начинался лес. Зайдя за толстую берёзу, Коля остановился.

— Лена, — сказал он, — мы должны остаться здесь. Этот человек, который сидел рядом с нами — ты видела, он однорукий, — это тот самый, из-за которого нам пришлось бежать из дому.

Коля молча тащил её за собой.

Дети молча смотрели, как убирала сходни, как зашипела вода под колёсами парохода и как сначала медленно, а потом всё быстрее и быстрее пароход стал удаляться от пристани. Только когда огни скрылись за поворотом реки, дети вздохнули свободно.

Глава восьмая

В городе. Сестра доктора Кречетова

На пароходе дети уже утром были бы в городе. Пешком же они шли почти двое суток. Ночевали они в лесу. Хотя Лена устала и очень просилась в деревню, Коля решил избегать населённых мест.

К вечеру второго дня они подходили к Запольску. Одежда на них запыхилась и изорвалась. Коля пел песенки и рассказывал смешные истории. Лена смеялась, но Коля чувствовал, что смеётся она, только чтобы не огорчать его, и что на самом деле ей больше всего хочется лечь в постель, укрыться и хорошо отдохнуть.

Дорога поднялась на холм. Огромные сосны раскинули ветви. Солнце опустилось к западу, и тени пересекли дорогу. Жара спала, и дети повеселели.

— Коля,— спросила Лена,— а в городе сколько людей: миллион?

— В Запольске меньше. А есть города, в которых больше.

— Миллиард?

— Нет, таких не бывает. Миллиона четыре, пять.

— Пять миллионов! — Лена покачала головой. — А в деревне сколько? Тысяча?

— Бывает меньше, а бывает и больше.

— Тысяча человек! Страшно подумать.

Холм круто обрывался, дорога шла вниз. Коля и Лена остановились. Лесистую равнину пересекала серебряная река. На берегу реки раскинулся Запольск. Среди зелёных крон деревьев виднелись крыши. Разноцветные домики стояли шеренгой вдоль берега. Три года Коля не видел Запольска. Он смотрел на город, и многое приходило ему на память. Вот плоты, возле которых он когда-то купался. Вот высоко поднимается над одноэтажными домиками трёхэтажное здание его школы. Грустно стало ему, что в родной свой город должен он приходиться крадучись, боясь каждого встречного.

— Какие высокие дома! — восторгалась Лена. — Сколько там этажей?

— Три.

— Как, наверное, страшно жить на верхнем этаже!

Коля взял её за руку:

— Пойдём!

— А ты ничуть не боишься? — спросила полупшёпотом Лена.

— Ничуть, — неуверенно ответил Коля.

На самом деле он очень волновался.

— А я боюсь. Конечно, самую чуточку.

— Всё равно пойдём.

Он шагнул вперёд, и Лена пошла за ним.

Через полчаса они входили в Запольск. Город был тих и пуст. Старики не сидели на крылечках, женщины не судачили у ворот. Редкие прохожие шли торопливо, не глядя по сторонам. На Колю и Лену никто не обращал внимания. В измятой одежде, грязные и запylённые, они были похожи на нищих. А нищих детей много ходило по улицам.

В другое время Коля и Лена шли бы не торопясь, всё осматривали бы, всё обсуждали бы, но сейчас они так устали, так им хотелось скорее отдохнуть,

что они молчали и даже не очень глядели по сторонам. Кроме того, было страшно. На лесной дороге, если есть опасность, всегда можно уйти в сторону, спрятаться за деревьями или в кустарнике, а в городе спрятаться негде — кругом дома, и живут в домах незнакомые люди.

Кречетов жил в одноэтажном уютном домике с маленьким палисадником и чисто выметенным крыльцом. Коля решительно постучал. Долго никто не отзывался. Потом послышались шаги. Дверь открыла старая, седая женщина с морщинистым, худым лицом. Крепко держа Лену за руку, Коля шагнул вперед.

— Нам нужно доктора Кречетова, — сказал он.

— Его нет, — ответила женщина.

— А когда он будет?

Женщина помолчала, потом вдруг резко сказала:

— Он совсем не будет! — и захлопнула дверь.

Дети посмотрели друг на друга. Коля не знал, что делать. Он был готов рассердиться и уйти, не добившись толку. Но Лена была такая несчастная и усталая, что он постучал снова. Дверь открылась сразу же. Женщина, по-видимому, не отходила от двери.

— Что вам надо? — резко спросила она.

— Послушайте, — сказал Коля, — нам очень, очень нужен доктор! Скажите, где мы можем его найти?

— Что вы пристали ко мне? — закричала женщина. — Вам сказано, нет его и не будет. Понимаете, не будет! И уходите сейчас же.

Она так хлопнула дверью, что дети невольно вздрогнули.

Коля чуть не заплакал. Он тоже очень устал. Много бы он отдал за то, чтобы быть сейчас дома.

Затопили бы печку, Лена спала бы, подложив под щёку ладонь, а Коля нырнул бы под одеяло, подоткнул его со всех сторон и вытянулся.

Лена дёрнула его за руку.

— Ну что же,— сказала она,— пойдём.

Не глядя друг на друга, они зашагали по пустынной улице. Какая-то собака лениво тявкнула на них из подворотни, какие-то мальчишки носились по переулку, перебрасываясь футбольным мячом.

— Гоп! — говорил один.

Второй отвечал:

— Принял!

Коля и Лена ничего не видели и не слышали.

— Дети, дети! — кричал кто-то сзади.

Коля сначала даже не подумал, что это может относиться к ним, но голос настойчиво повторял:

— Дети, дети! Да подождите же!

Коля и Лена обернулись. Старуха, которая только что прогнала их, задыхаясь, бежала за ними. Она остановилась, с трудом переводя дыхание.

— Фу,— сказала она,— сердце какое стало, совсем не могу бежать!

И вдруг спросила резко и хмуро:

— Зачем вам нужен доктор Кречетов?

Коля молчал. Страшно было открываться этой неприязненной, злобной старухе, но ещё страшнее было идти неизвестно куда, терять единственную надежду встретить друзей в этом городе, в котором было так много врагов.

— Ну? — переспросила старуха.— Говорите, а то я уйду.

— Я внук Ивана Игнатьевича Соломина,— тихо сказал Коля,— а это Лена, его внучка.

Старуха вздрогнула и испуганно посмотрела по сторонам.

— Тише,— сказала она,— разве можно так кричать! Я сразу решила, что это вы. Ты не узнаёшь меня? Я сестра Евгения Андреевича.

— Я не узнал вас. Я был ещё маленький, когда вас знал. А где Евгений Андреевич?

— Тише! — Старуха погрозила пальцем.— Что ты кричишь на всю улицу! — Она приблизила губы к Колиному уху и зашептала, торопясь и от волнения не договаривая слова: — Его повесили. Понимаешь? Арестовали, а потом повесили. Он слушал Москву по радио и читал листовки. Понимаешь? Только об этом нельзя говорить.

Она погрозила пальцем. Седые её волосы растрепались, глаза сверкали.

— Надо молчать,— говорила она задыхаясь.— Ты понимаешь, надо молчать! — Слюна брызгала у неё изо рта.

«Она сумасшедшая!» — подумал Коля и отступил назад.

Старуха притянула его к себе.

— А почему вы ушли из вашего лесного дома? — спросила она.— Вас разве преследовали?

— Нет.— Коля решил, что надо скрывать от старухи правду.— За что нас могли преследовать? Мы ничего такого не делали.

Но старуха всё знала сама. Коле пришлось сразу же убедиться в этом.

— Девочке рассказали? — спросила она.

Коля притворился, что не понимает:

— Что рассказали?

Кречетова раздражённо топнула ногой:

— Не валяй дурака, мальчик! Рассказали ей про отца?

Лена смотрела на Кречетову широко раскрытыми, испуганными глазами. Коля испугался тоже: Лене не следовало знать, кто её отец.

— Тише! — Старуха погрозила пальцем.

— Тише! — сказал он. — Ей ничего не рассказывали.

Старуха кивнула головой:

— Да, конечно... — Она задумалась, глядя на Лену.

Лене стало неприятно от её взгляда: такой это был холодный, немного насмешливый взгляд.

— Александра Андреевна, — сказал Коля, — откуда гитлеровцы могли узнать эту историю? Ведь дедушка рассказал её только Евгению Андреевичу.

— Не знаю, — сказала старуха. — Откуда я могу знать? Почему ты меня спрашиваешь?

Теперь она избегала Колиного взгляда. А Коля смотрел на неё в упор. Он, кажется, начинал догадываться.

— А откуда вы знаете про Лениного отца? — спросил он. — Вас ведь не было при разговоре.

Не отвечая на вопрос, старуха забормотала:

— Три офицера живут в нашей квартире, и я им стираю бельё, готовлю обед, убираю комнаты. И я дрожу, мальчик, день и ночь дрожу! Я старая женщина. Они могут со мною сделать что захотят. Я стараюсь не рассердить их. Тихо хожу, улыбаюсь, готовлю то, что они любят... Что я могу сделать! Я старая женщина.

Коля очень взволновался. «Бежать! — думал он. — Скорей бежать! Но как? Старуха поднимет крик, позовёт полицейского».

Он стоял, не зная, что делать, а старуха всё качала головой, улыбалась странной своей улыбкой и повторяла:

— День и ночь я дрожу, день и ночь...

Дети приходят на помощь

И в это время Кречетову окликнули.

— Эй, мать! — отчётливо и резко произнёс мужской голос.

Кречетова вздрогнула и обернулась.

Трудно было представить себе, что человек может в одну секунду так измениться в лице. Исчезла растерянность, улыбка стала угодливой и слащавой. Кречетова торопливо поправила растрепавшиеся волосы. Кланяясь и кивая головой, заторопилась она к дому.

— Иду, иду, — бормотала она и как будто пригibasась к земле от униженного сознания своей вины. — Поругайте, поругайте меня, старуху, совсем заболталась, глупая!

Из окна докторского дома высунулся человек в форме германского офицера. Сейчас он смотрел мимо Кречетовой, прямо на Колю и Лену, и, подняв висевший на шее бинокль, приставил его к глазам, чтобы лучше разглядеть детей.

Офицер отнял бинокль от глаз. Раздался резкий крик:

— Эй, Kinder! Дети!

Раздумывать было некогда.

— Бежим! — сказал Коля и, дёрнув Лену за руку, быстро потащил её за собой.

Они свернули за угол. Тенистый переулок лежал перед ними. На мостовой между камнями росла трава. Невысокие деревья с густыми кронами шеренгами стояли вдоль тротуаров. Другие деревья росли во дворах и садиках и оттуда простирали ветви над тротуарами. Прохожих в переулке не было. Только четыре мальчика перебрасывались мячом.

— Гоп! — говорил один, бросая мяч.

Второй отвечал:

— Принял!

Мальчики замерли, увидев Колю и Лену. Сзади раздались крики и свистки.

«Старуха выдала!» — подумал Коля, и отчаяние охватило его. Разве смогут они убежать, разве сумеют спрятаться? Попасться так глупо, сразу же!.. Что будет с Леной?

Мальчики, игравшие в мяч, продолжали смотреть на Лену и Колю. Коля шагнул вперёд.

— Ребята, — сказал он, — это за нами гонятся!

Мальчик, державший мяч, перебросил его другому.

— Идёмте, — сказал он и быстро прошёл в ка-литку.

Коля и Лена побежали за ним. Они оказались в маленьком тихом дворике. Два куста сирени росли у забора, две молодые берёзы росли у крыльца деревянного домика. На крыльце сидел старик и шилом ковырял старый сапог. Он поднял голову, но мальчик, шедший впереди, посмотрел на него, и старик снова уставился в сапог и будто ничего не заметил. В углу к кирпичной стене, ограждавшей двор, был пристроен деревянный сарай, запертый на висячий замок. Мальчик вынул ключ из кармана и вставил его в скважину. С улицы, приближаясь, доносились свистки, крики и топот бегущих людей. В переулке мальчики продолжали перебрасываться мячом как ни в чём не бывало.

— Гоп! — говорил один, бросая мяч.

И другой отвечал:

— Принял!

Дверь сарая открылась. Коля и Лена торопливо проскользнули внутрь. Здесь были аккуратно сложенные дрова, козлы для пилки дров и куча хворосту, сваленного в углу у кирпичной стены. Мальчик

быстро раскидал хворост. Тогда стало видно, что под кирпичной стеной прорыт неширокий лаз. Мальчик нырнул в него. Голова его и половина туловища были по ту сторону стены. Ноги двигались, доносилось энергичное пыхтенье. Видимо, мальчик убирал какое-то препятствие, мешавшее ему проползти. Потом ноги вильнули, точно хвост уползающей змеи, и исчезли в лазу.

— Лезьте!—раздался из-под стены глухой голос.

— Лезь!—скомандовал Коля.

Лена только испуганно посмотрела на него, но ничего не сказала и беспрекословно полезла под стену. За нею нырнули и Коля. Они оказались в другом сарае, чуть побольше и посветлей. Здесь тоже стояли козлы для пилки дров и лежали сложенные дрова. Куча хворосту, наваленного у стены, была раскидана, открывая выход из лаза.

Коля только сейчас разглядел как следует мальчика, который вёл их такой таинственной и сложной дорогой. Это был низенький, коренастый мальчик с широким лицом, покрытым веснушками. Он подошёл к двери и трижды слегка толкнул её. Замок, висевший снаружи, трижды негромко звякнул. Мальчик стоял, наклонив голову. Он прислушивался. Лёгкие шаги приближались к двери. Щёлкнул замок, дверь отворилась. Худенькая девочка лет десяти, босая, в ситцевом платице, с жёлтой чёлкой и простодушным лицом, стояла в дверях.

— Ньюша,—сказал мальчик,—у вас тихо на улице?

Девочка кивнула головой, с любопытством посмотрела на Колю и Лену и сказала, шепелявя:

— Шейчаш ничего не слышно.

— Надо их провести, Ньюша. Пусть до вечера у Вовки в подвале посидят. А вечером я за ними приду.

Нюша кивнула головой. Не тратя лишних слов, мальчик нырнул в лаз и, дрыгнув босыми ногами, исчез. Девочка завалила отверстие хворостом и сказала:

— Шлушайте, только вы не отштавайте, — и вышла во двор.

Коля и Лена пошли за нею. Они миновали маленький дворик, пересекли неширокую улицу и, пройдя ещё один двор, вышли на огород. Здесь была уже окраина города. Дома стояли реже, и за домами, за дощатыми уборными и помойными ямами на аккуратных грядках жители посадили картофель, лук, капусту и огурцы.

Нюша шла впереди уверенно и быстро, так что Лена и Коля едва поспевали за нею. Она перелезала через ограды, скашивала углы, протискивалась в отверстия подгнивших заборов. Иногда она оглядывалась и, убедившись, что Коля и Лена не отстают, вновь устремлялась дальше.

Люди почти не попадались им. Только один раз они увидели женщину, работавшую на грядках, да ещё какие-то две девочки окликнули Нюшу и спросили, не придёт ли она к ним играть, но Нюша коротко ответила:

— Жанята.

И девочки отстали.

Наконец, перебравшись через высокий тын, они оказались на крошечном дворике. Петух и две курицы рылись в мусорной куче, тощая кошка спрыгнула с крыши сарая и убежала. Сюда выходила задняя стена одноэтажного кирпичного дома. Нюша огляделась. Вокруг никого не было. Только петух горделиво шагал по мусору, только куры неторопливо поклёвывали траву. Нюша наклонилась и подняла доски, прикрывавшие небольшое окошечко.

— Лежьте, — сказала она, — там шишкойно. Пошидите пока, а пошле Лёша придёт.

Коля полез первым. Подвал оказался неглубоким. Под окном был поставлен ящик, чтобы удобнее было вылезать и влезать. Коля окликнул Лену, и она скользнула ему на руки. Сразу же в окно просунулась Нюшина голова.

— Ну? — спросила Нюша.

— Всё в порядке, — ответил Коля.

Голова исчезла, и сразу послышался шум задвигаемых досок.

Когда глаза привыкли к полутьме, Коля увидел каменный пол и каменные стены, пыльную, со ржавыми петлями дверь, которая, наверное, давно уже не открывалась, кучу соломы в углу, несколько ящиков, наваленных у стены.

— Мы здесь славно устроимся, Ленка! — сказал Коля. — Ты, наверное, поспать хочешь?

— Хочу. — Лена села на ящик. — У меня очень ноги болят.

Коля энергично уминал солому, устраивая для Лены постель.

— Ты ляг, закрой глаза и подумай о чём-нибудь приятном. Вспомни деда, дом, наше озеро...

— А мы не можем пойти домой? — спросила Лена.

— Домой?.. Вот сейчас я тебе и подушку устрою. Будет у тебя настоящая постель. А когда ты ляжешь, укрою соломой. Солома хорошая, сухая, немного, конечно, пыльная, но пыль потом и стряхнуть недолго.

— Коля, а почему мы не можем идти домой? — опять спросила Лена.

— Домой? — Коля подошёл к Лене и сел рядом с ней на ящик. — Домой нам вельзя. Нет у нас с тобой дома.

Лена молчала. Она опустила голову, и Коля не видел её лица. Он обнял её за плечи.

— Ты сейчас очень устала,— ласково сказал он,— ляг и поспи. Я не могу сказать сейчас, почему нас преследуют, но только нам нужно спастись, нам нужно прятаться, нам нужно бежать. Но это, Леночка, не всегда так будет. Скоро всё будет по-другому. Всё будет очень хорошо, замечательно хорошо. Так хорошо, как никогда ещё не было! Ты пока меня ни о чём не спрашивай. Ладно?

— Ладно,— сказала Лена невесело.— Я лягу.

Она легла, Коля укрыл её соломой и сам сел рядом. Она почти сразу уснула и задышала спокойно и ровно.

За окном тихо кудахтали куры. Далеко где-то прошли люди. Голоса их еле доносились, и слов разобрать было невозможно. Потом опять стало тихо, только монотонно жужжала муха.

«Что же делать, что же делать?» — повторял про себя Коля. Он думал и передумывал — и ничего придумать не мог. Доктор Кречетов был единственный человек, которого легко было найти и который мог им помочь. И вот его нет, а сестра его — доносчица, чуть-чуть не погубила их. Куда теперь идти, к кому теперь обратиться? И здесь, в городе, и в любой деревне есть много людей, которые рады будут помочь, спрятать, спасти. Но как их найти, как узнать, как не ошибиться? А если вдруг опять попадётся трус и доносчик вроде старухи Кречетовой? Друзья притаились, друзья скрываются, друзей не узнаешь...

И тут Коля вдруг вспомнил о мальчике, который спас их от погони, который должен прийти за ними. Если, не зная о Коле и Лене ничего, кроме того, что за ними гонятся гитлеровцы, он помог им — значит, это друг, значит, на него положиться можно.

Теперь Коле казалось странным, как он раньше о нём не подумал. Коля вспомнил дыру в стене, заваленную хворостом с двух сторон, условное звяканье замка, девочку, которая ничуть не удивилась, узнав, что нужно спрятать двоих детей. Очевидно, не в первый раз приходится им обманывать фашистов, очевидно, это верные, смелые дети, и, конечно, они связаны с партизанами.

Он даже не скажет им, кто отец Лены. Он просто скажет, что их преследуют и что им необходимо попасть к партизанам. Не может быть, чтобы дети не помогли им!

У Коли стало гораздо веселей на душе, и он сам не заметил, как заснул.

Глава десятая

Нюша, которая знает слишком много

— Шлушай, шлушай!— говорил кто-то Коле в самое ухо.— Не шпи, слышишь?

Коля открыл глаза. В подвале было темно. Маленькая фигурка наклонилась над ним. Слабая рука трясла его за плечо.

— Кто тут?— спросил Коля.— Что случилось?

— Это я, Нюша. Вштавать надо.

Коля вскочил и протёр глаза. За окном темнело ночное небо. Долго же он проспал! У него даже сердце замерло.

— Что, Лёша уже приходил?— спросил он.

— Арештовали Лёшу,— сказала девочка, волнуясь и от волнения говоря ещё неразборчивее, чем обычно.— И других мальчишек арештовали.

— Почему арештовали? За что?

— Ваш хочут схватить. По вшему городу мальчиков и девочек ловят.

— Что же делать?— спросил Коля.

— Ужаш, ужаш!— зашептала Нюша.— Шолдаты вежде поштавлены. Дома обышкивают, шарай, подвалы. Ужаш, ужаш! Шуда придут шкоро.

Коля вскочил, подбежал к окну и, встав на ящик, высунул голову. Высоко над землёй стремительно неслись облака. Порой они заволакивали всё небо, порой расходились, и тогда мелькали одинокие звёзды или край луны освещал сонную землю. Коля ждал, что услышит шаги полицейских или увидит крадущиеся фигуры, но кругом ничего не двигалось. Вышла луна, сверкнула в мусорной куче пустая консервная банка, блеснула железная крыша сарая, но луна снова скрылась за облаками, и всё погрузилось в темноту. Радуюсь ночному покою, восторженно верещал сверчок, курица сонно забормотала и смолкла. Но Коле покой этот казался обманчивым и неверным. В темноте, в тишине чувствовал он опасность. Где-то недалеко уже шарят лучами фонари офицеров и полицейских, и скоро — через полчаса, через час — Лена, Лена, которую надо спасти, попадёт в лучи этих фонарей!

Коля спрыгнул с ящика и стал перед Нюшей. Нюша, подняв голову, смотрела на него, и, когда она заговорила, в голосе её были уважение и любопытство.

— Это вы на прошлой неделе железную дорогу вжорвали?— спросила она почтительно.

— Какую железную дорогу?

— Я жнаю, жнаю! Вы динамитом вжрывали. Лёша рашшкаживал.

«Милое дело!— подумал Коля.— Эта девочка нам таких дел припишет, что фашисты весь район на ноги поднимут». Он постарался говорить спокойно и убедительно.

— Слушай, Нюша,— сказал он,— никакой же-

лезной дороги мы не взрывали. Просто нам обязательно нужно выбраться из города. Поняла?

— Жнаю, жнаю!— закивала головой Ньюша.— Партижаны вшегда шкрываются. Мне Лёша говорил.

«Вот заладила,— рассердился Коля,— не переговоришь!» Однако он заставил себя успокоиться.

— Думай что хочешь,— сказал он,— только выведи нас отсюда. Можешь ты это сделать?

— Могу,— сказала Ньюша.— Пойдёмте, а то шкоро шуда придут.

Коля разбудил Лену. Она выпалась и проснулась весёлой и бодрой.

— Уже идём?— спросила она.

— Да, пора.

Лена в темноте стряхнула пыль с платья и подошла к окну. Вдруг Коля заколебался.

«Мала эта Ньюша,— подумал он.— Ещё заведёт куда-нибудь».

Ньюша, кажется, угадала его сомнения.

— Штрашно?— спросила она.— Не бойся. Я жнаю, как Лёша в леш ходил. Он мне не шкажал, но я подшмотрела.

«Хуже не будет!»— решил Коля и, стремительно подсадив Лену, вылез за нею сам.

После подвала во дворе казалось светло. Свет луны пробивался сквозь облака, и можно было разглядеть дом, сарай, высокий тын, ограждавший двор.

Ньюша вылезла вслед за Колей, быстро задвинула окошечко досками и коротко сказала:

— Идите жа мной.

Снова началось бесконечное путешествие по дворам, задворкам и огородам. Ньюша шла уверенно и быстро. Это успокаивало Колю. Значит, она твёрдо знала, куда их ведёт. Но Коле и Лене приходи-

лось трудно. Они то спотыкались, попадая ногой в яму, то неожиданно налетали на невидимую в темноте ограду. Скоро Коля совсем потерял представление, в каком направлении они идут. Всё время приходилось смотреть под ноги, ощупью искать перелазы через забор или вглядываться, следя за поворотами тропинки. Часто они отставали и теряли Нюшу из виду. Боясь окликнуть её, Коля останавливался и стоял, чуть слышно посвистывая. И каждый раз с самой неожиданной стороны доносился напряжённый Нюшин шёпот:

— Идите, идите шкорей!

«Что же делать теперь?— думал Коля.— Всё так хорошо складывалось, вот и девочка говорит, что Лёша ходил к партизанам,— сего помощью мы, может быть, завтра же были бы среди вооружённых, сильных друзей. И снова всё лопнуло. Лёшу и других мальчиков покажут Кречетовой и отпустят. Она, конечно, сразу же скажет, что это не те, кого ищут, но будет уже поздно. Остаться в городе, ждать, пока Лёшу отпустят, невозможно. Облава, видимо, устроена большая, и попасться ничего не стоит. Вернуться через день, через два в город тоже нельзя. Непременно задержат. Значит, опять оказаться в лесу, без продуктов, без друзей, не смея ни к кому обратиться за помощью...»

Задумавшись, Коля чуть не налетел на Нюшу, поджидавшую их у неглубокой канавки. Нюша пропустила Лену вперёд и, немного задержав Колю, взволнованно зашептала ему в ухо:

— А девочка тоже дорогу взрывала? Я никому не скажу. Честное слово.

— Какую дорогу?— яростно зашипел Коля.— Сто раз тебе повторять — не взрывали мы ничего! Мы сами не знаем, как к партизанам попасть.

— Я жнаю, жнаю!— закивала головой Нюша.—

Нюша шла уверенно и быстро.

Лёша мне говорил, партизаны никогда не рашшкаживают. — И быстро зашагала вперёд, окончательно убеждённая, что Лена и Коля и есть самые главные партизаны.

«Вот упрямая девчонка, — ворчал про себя Коля, — забрала себе в голову железную дорогу! Никак эту дорогу у неё не выбьешь».

Он почувствовал, что земля уходит у него из-под ног, и едва успел ухватиться за куст, чтобы не упасть. Он стоял на высоком, поросшем густым кустарником откосе. Внизу чуть заметно поблёскивала река.

— Лена! — шёпотом позвал Коля.

Лена ответила тоже шёпотом:

— Я здесь.

Из темноты появилась Нюша. Коля никак не мог заметить, куда она исчезает и откуда она появляется.

— Тише! — шепнула она чуть слышно. — Тут шолдаты ближко. Возмнитесь жа руки.

Она взяла Колину руку, а Коля взял за руку Лёну. Втроём они стали осторожно спускаться вниз по откосу. Когда кто-нибудь из них оступался или нечаянно сбрасывал ногой камень, Нюша застывала в испуге и только шептала чуть слышно:

— Тише, пожалушта, тише!

Вероятно, посты были совсем близко.

Вскоре Нюша свернула в сторону, прямо в густой кустарник. Она отвела рукой ветки и, нагнувшись, шагнула, казалось, в самую гущу листвы веток. Коля наклонился тоже, шагнул за ней и потащил за собой Лёну. Они шли наклонившись и всё-таки то и дело головой задевали за ветки. Это был узкий проход в кустарнике. Ветки переплелись наверху, образовав длинный сплошной тоннель.

Положительно, эта Нюша была неутомима. Лена уже тяжело дышала, у Коли болели ноги и спина, а

Нюша шла как нивчём не бывало и только иногда предупреждала еде слышным шёпотом:

— Тихо, пожалушта, тихо!

И вдруг она сразу остановилась. Коля чуть не налетел на неё, так это было неожиданно. Она только зашипела, но по напряжённости её позы Коля понял, что опасность совсем близко. Он стоял согнувшись, боясь шевельнуться, и чувствовал, как сзади застыла Лена, как впереди, притаившись, вслушивается Нюша. А потом он услышал совсем близко, над головой, немецкую фразу и смехи, подняв глаза, увидел еде пробивающийся сквозь густую листву свет.

— Тише!— шепнула Нюша и, постояв ещё, двинулась наконец дальше медленно-медленно, чтобы не хрустнула веточка, не зашелестел листок.

Так они шли, останавливаясь после каждого шага и вслушиваясь, но вот Нюша стала ускорять шаги, и, обернувшись, Коля увидел, что неясный свет, пробивавшийся сквозь густые ветви, остался далеко позади. У него отлегло от сердца. Самая опасная часть пути была пройдена благополучно.

Вскоре кусты стали реже, над головой всё чаще и чаще показывалось затянутое облаками небо. Дети отошли в сторону от реки, пригнувшись, торопливо перебежали дорогу и оказались в лесу. Небо уже чуть-чуть посветлело.

Коля посмотрел назад. В полутьме различались крыши Запольска. Там ходили по улицам солдаты и полицейские, освещали подвалы, сараи и чердаки, обыскивали квартиры, хватали детей. Весь город был приведён в движение, для того чтобы поймать маленькую усталую, испуганную Лену. А Лена, обманув всех этих сильных, вооружённых людей, была уже здесь, в лесу. Лена ушла из готовой захлопнуться мышеловки.

«Смелая эта Нюша»,— подумал Коля.

А Нюша, повеселев, уже объясняла ему:

— Это Лёша дорогу нашёл. Он по ней часто в лес ходит. Он мне не шкажал, а я подшмотрела.— Потом она притянула к себе Колино ухо и, кивнув головой на Лёшу, взволнованно зашептала:— Лёша говорил, что партизаны маленьких не берут, а как же её вняли? Жначит, врал он, да?

Коля уже забыл, что они с Лёшой на прошлой неделе взорвали железную дорогу, и сначала даже не понял, о чём она говорит. Потом он рассердился. Никак ему не удавалось убедить Нюшу, что они с Лёшой не такие уж знаменитые партизаны. А потом ему стало смешно. В сущности говоря, Нюша рассуждала правильно. Ради кого могли гитлеровцы поставить на ноги целый город, как не ради тех, кто по меньшей мере взорвал железную дорогу?

Он рассмеялся, хлопнул Нюшу по плечу и сказал:

— Не горюй, Нюша! Подрастёшь немного — возьмут.

Нюша шмыгнула носом.

— До швиданья,— сказала она.— Ешли что надо, шпрошите Нюшу Шалову. Меня на Шадовой улице каждый жнает.

Она решительно зашагала и сразу исчезла в темноте. Коля посмотрел ей вслед, и ему даже грустно стало, что, наверное, он больше её никогда не увидит. Больно уж славная была девчонка!

Однако задерживаться было опасно. Коля взял Лёшу за руку и решительно шагнул в лес.

— Пошли,— сказал он.— До рассвета нам нужно уйти отсюда как можно дальше.

Коля рассказывает о Рогачёве

Пробраться через фронт и доставить Лёну прямо к отцу невозможно. Это Коля ясно понимал. Чем ближе к фронту, тем больше патрулей и застав на дорогах, тем больше гитлеровских частей расположено прямо в лесах. Оставалась только одна возможность — найти партизан.

Но и на это мало было надежды. Партизаны научились не оставлять следов, пробираться бесшумно по невидимым тропам, прятаться в таких местах, куда, не зная дороги, ни один человек не дойдёт.

Коля и Лёна лежали на траве под большой берёзой. С самого рассвета они шли, отдыхая редко и понемногу, стараясь как можно дальше отойти от Запольска. Целый день, кроме ягод, они ничего не ели. Сквозь листья берёзы просвечивало голубое небо. Белые облака висели в бесконечной его глубине и медленно двигались. Казалось странным, почему они не падают вниз или не поднимаются бесконечно вверх. Лёна глядела в небо, на облака, и, когда ветер шевелил листья, прислушивалась, стараясь понять, о чём говорит берёза. Ведь может быть, что деревья многое знают и только не умеют передать людям, а эта берёза старая-старая. Дупло у неё похоже на смеющийся беззубый, старческий рот. Чего она только не видела на своём веку!

— Хочешь, я наберу ещё черники? — спросил Коля.

— Нет, не надо. Расскажи мне про Рогачёва, про которого песню пели.

Коля смутился. Он посмотрел на Лёну. Нет, она сказала это случайно. Она ни о чём не догадывалась.

— Это знаменитый советский генерал, — сказал Коля. — Он командовал полками, которые отстояли

Москву. Потом он со своей дивизией сражался под Сталинградом. Там были целые миллионы фашистов. Полки Рогачёва налетели на них, как туча. Рогачёв мчался сам впереди. В руке у него была шашка, а на плечах чёрная бурка. Фашисты кричали от страха и падали, когда видели его. Он порубил их всех. «А-а,— говорил он,— вы там наших казните и мучаете, так нате же вам, получайте!» Тогда собрались самые главные генералы, позвали Рогачёва, повесили ему на грудь Золотую Звезду и дали под команду целую армию. Он снова вскочил на коня и крикнул: «За мной!» Дошёл он до большой, широкой реки Днепр. Фашисты думали, что нашим через Днепр не перейти. А Рогачёв хлестнул своего коня и помчался вперёд так, что бурка развевалась по ветру. За ним, конечно, помчалась вся его армия. Один к одному. Замечательные бойцы! Как попрыгали кони в Днепр! Фашисты танки и пушки тащат, и пулемёты и миномёты, а всё равно плывёт Рогачёв со своей армией. Вышли кони на этот берег, и бойцы Рогачёва вынули шашки. Тут опять побежали фашисты, от страха кричат, побросали и танки и пушки, а многие поднимают руки и плачут: пожалейте, мол, нас, генерал Рогачёв. «А,— говорит генерал Рогачёв,— а вы, говорит, наших жалели? Вы, говорит, доктора Кречетова жалели? Вы, говорит, дочку мою жалели, когда она по лесам бродила и голодно ей было и голодно...»

Коля остановился и испуганно посмотрел на Лёну. Лёна смотрела сквозь берёзовые листья в голубое небо, на облака, плывущие неизвестно куда.

— А у Рогачёва есть дочка? — спросила она.

— Не знаю,— сказал Коля.— Это я так, к примеру.

— Ну да,— сказала Лёна,— конечно. А где он сейчас?

— Сейчас он недалеко. Как он прогнал фашистов от Днепра, вызывают его в правительство. «Ты, говорят, генерал Рогачёв, храбрый генерал. Вот, говорят, ещё есть земля, дальше Днепра, и тоже там люди живут и мучаются под гитлеровцами». — «Есть, — сказал генерал Рогачёв. — Будет исполнено, товарищи!» И вот опять он сел на коня, и опять построилась за ним его армия. «Вперёд!» — приказал Рогачёв. И вот, говорят, они близко. Опять, говорят, бегут фашисты, кричат от страха, бросают танки и пушки.

Изо всех сил Коля хлестал прутom пень, попавший под руку. А Лена лежала по-прежнему неподвижно и смотрела сквозь листву в небо. Прут сломался, и Коля отшвырнул обломок. Он так увлёкся, рассказывая про Рогачёва, что никак не мог успокоиться. Долго оба молчали, а потом заговорила Лена:

— Папа мой был тоже военный. Дедушка говорит, что он был учителем, но я помню, что он был военный, полковник. Может быть, конечно, он был и учителем тоже, но мама всегда говорила, что он полковник, и все его так называли. Но только он был не такой, как генерал Рогачёв. Шашки у него не было. Он был высокий... — Лена помолчала. — Но шашки у него всё-таки не было, — уверенно сказала она.

Коля посмотрел на неё. Нет, она ни о чём не догадывалась.

— Лена, ты очень хочешь есть? Скажи прямо. Поешь всё-таки черники.

— Нет, спасибо, — ответила Лена.

Коля вскочил:

— Знаешь что, я схожу в деревню и куплю хлеба! Ты не будешь одна здесь бояться? Я приду через два часа, ну через три обязательно.

— Нет,— сказала Лена,— я не боюсь. А денег у тебя хватит?

— Я думаю, хватит. Ты только никуда не уходи. А если страшно станет, подойди к дороге. Сиди около дороги и жди меня.

Он ушёл. У него щемило сердце.

Какая Лена вялая стала! Она никогда такой не была. Неужели он не сможет её доставить отцу? Нет, об этом даже думать нельзя. Понятно, что она ослабела. Они, наверное, вёрст полтора-два прошли за это время и ни разу как следует не отдохнули. И последние дни почти ничего не ели. Он тоже очень устал, а ведь он почти взрослый! Сегодня он ещё купит хлеба, но на завтра денег, наверное, не останется. Что делать? Где найти партизан?

Задумавшись, вышел он на дорогу и пошёл по направлению к деревне.

Глава двенадцатая

Одна в лесу

Оставшись одна, Лена долго ещё лежала. Она вспоминала уху из свежей рыбы, жареные грибы, которые готовил дедушка. От этого не становилось легче. Наоборот, только больше хотелось есть. Тогда она стала вспоминать мать и отца. Мама будит её утром. Спать очень хорошо, и не хочется просыпаться. Но голос у мамы ласковый, весёлый. Лена улыбается и открывает глаза...

Вечером Лена сидит у мамы на коленях. Лампа горит, в углах собираются серые тени, и за окном темно, но здесь, у мамы, совсем безопасно, и не страшно думать, что в темноте кто-то прячется...

Папа и мама собираются в театр, мама долго одевается, а папа говорит, что уже поздно, сердится и ворчит, но не очень сердито...

Вообще как-то тогда было всё хорошо. Бывали, конечно, неприятности, но не очень серьёзные. Как хотелось бы, чтобы это вернулось! Хоть ненадолго.

Лене стало грустно, и она сама не заметила, как заплакала. Она, наверное, долго плакала, но от слёз не становилось легче, даже наоборот.

Ветер стих. Деревья не шевелились. Так тихо было вокруг, что Лена испугалась. В тишине ей послышался шорох. Она встала, прошлась взад и вперёд, заглянула за ствол берёзы. Там никого не было. Она ещё раз прошлась и неожиданно быстро обернулась. За спиной тоже никого не было. Она села на пенёк.

«Ничего страшного! — подумала она. — Что может быть такого в лесу? Ничего не может быть».

Она отставила одну ногу, рукой упёрлась в бок и представила себя генералом. Орлиным взором она окинула стоящих вокруг офицеров.

— Ну, как, вы к бою готовы? — спросила она их. — Готовы? Ну, очень хорошо. Мне сообщили мои офицеры, что в лесу живёт девочка Лена. За ней гонятся фашисты. Надо срочно её спасти. За мной!

Она вскочила и, подняв прутик, как саблю, побегала вперёд.

— Быстрее, быстрее руби их! — кричала она. Потом жалобным голосом закричала за фашистов: — Ой, не трогайте нас, мы больше не будем!

— Не будете? — спросил «генерал», опираясь на саблю-прутик. — Ах вы такие-сякие! — Потом «генерал» сказал одному из своих офицеров: — Отнесите Лене горячих лепёшек с мёдом, жареную курицу, творогу со сметаной и шматок сала.

Лена, как будто сытая и как будто почти взрослая, вежливо поклонилась «генералу».

— Здравствуйте, генерал! — сказала она. — Большое спасибо, теперь мне хорошо. Знаете, генерал, мой брат Коля хочет быть военным офицером.

- А он храбрый? — спросил «генерал».
- Замечательный храбрец, — ответила Лена.
- Тогда, — скомандовал «генерал», — назначить его самым главным моим офицером!

Лена замерла. Она услышала какой-то странный гул. Он всё приближался и приближался. Казалось, это лес гудит сердито и громко. Потом над лесом, над старой берёзой, над Леной понеслись огромные, тяжёлые самолёты. Они шли ряд за рядом, тяжёлые, быстрые, и сердито ревели. На крыльях были нарисованы красные звёзды.

Если бы можно было им крикнуть, чтоб они захватили её с собой! Лена стояла, глядя вверх, вся дрожа от возбуждения. Ведь может же быть, что они заметят её и подхватят! Ведь бывает же это в сказках! Но самолёты прошли, и небо опять было чистое и пустое, и гул удалялся и затихал. И снова стало слышно, как шелестят листья берёзы.

Тогда Лена легла на траву. Она снова почувствовала себя очень усталой. Она смотрела на берёзу, на изогнутый её ствол, на дупло, похожее на открытый рот. Она была очень слаба сейчас. Ветви и листья расплывались в глазах, мысли путались. Она наконец заснула.

Проснувшись она, дрожа от холода. Солнце ярко светило, но трава была мокрая от ночной росы. Когда Лена поняла, что проспала целую ночь, у неё даже сердце замерло.

— Коля! — крикнула она. — Коля!

Никто не откликнулся.

«Ну что же, может быть, он задержался. Должно быть, ночью он не нашёл дороги, — подумала она и постаралась успокоиться. — Ничего же не могло случиться. Сейчас Коля придёт, и всё будет хорошо».

Она опять легла. Мелкая дрожь билась её.

Зашуршало в траве. Она вздрогнула и привскочи-

ла. Лесная мышь, стоя на задних лапках, испуганно смотрела на неё.

— Ты меня, пожалуйста, не пугай,— рассудительно сказала Лена.— Я же знаю, что ты самая обыкновенная мышь и никакого зла мне не хочешь.

Мышь шмыгнула в траву и исчезла. Лена посидела ещё, но дрожь всё не проходила.

— Ну, что ж это такое? — сказала она.— Почему он не идёт?

Лена представила себе, что будет с ней, если она останется одна, и ей стало так страшно, что она стала громко звать Колю. Но никто не откликнулся, и она замолчала. Потом она вспомнила, что Коля советовал ей, если станет страшно, идти к дороге. Вот ей как раз страшно, она и пойдёт туда. Теперь она знала, что надо делать, и ей стало легче. Когда она встала, её качнуло от слабости, но она всё-таки пошла.

Скоро лес поредел. Дорога была близко. Лена услышала шум проезжавшей машины, а там и дорога стала видна. Солнце грело сильнее и сильнее. Лена перестала дрожать. Выйдя на дорогу, она посмотрела в одну и в другую сторону. Дорога была пустынна. Лена села и стала ждать.

Иногда вдалеке появлялся человек. Каждый раз издали Лене казалось, что это Коля. Но, когда человек подходил ближе, оказывалось, что это женщина или старик. Без Коли было плохо. Он бы обязательно что-нибудь придумал, или они хоть поговорили бы. Конечно, она не стала бы ему говорить, что голодна и устала, но всё-таки знала бы, что может ему пожаловаться, и ей было бы легче.

Время шло, солнце поднялось высоко, а Коли всё не было.

Глава тринадцатая
Невольничий караван

Снова вдали показались люди. На этот раз их было много, и Коли, конечно, среди них не могло быть. Он старался всегда избегать людей. Поэтому Лена и не смотрела на толпу, идущую по дороге, пока толпа не подошла ближе. Теперь было видно, что по сторонам идут солдаты с автоматами, а в середине — мужчины и женщины, совсем молоденькие и пожилые, с маленькими узелками в руках.

Как ни уединённо жил Иван Игнатьевич Соломин со своими внуками, всё-таки Лена выросла на оккупированной гитлеровцами земле, и ей не надо было объяснять, что это за странный караван идёт по дороге. Это угоняли людей на работу в Германию. По обочинам шоссе шли трясущиеся от старости старики и старухи и маленькие дети.

Караван подошёл совсем близко, и Лене теперь было всё видно и слышно.

Солдаты шли размеренным шагом, не обращая никакого внимания на крики и разговоры плачущих, прощающихся друг с другом людей.

— Мама, мама! — кричала девушка, шедшая в караване, старушке, тащившей за руку маленького мальчика трёх или четырёх лет. — Смотри, чтобы Володька в колодец не упал, и вели ему мать поминуть. Слышишь, мама? А если отец вернётся, расскажи ему, как меня увели. Слышишь, мама, обязательно расскажи.

Старушка, кажется, была совершенно глуха, да и человеку с очень хорошим слухом трудно было бы разобраться в этих перебивающих друг друга криках и разговорах. Но старушке и не надо было слышать. Она и так хорошо понимала, о чём может говорить её дочь, уходящая в чужую страну, в неволю.

Караван подошёл совсем близко.

— Да, да,— повторяла она,— слышу, Нюлочка, слышу. Всё, Нюлочка, сделаю.

— Дедушка,— кричал мальчик лет четырнадцатилетнего, — если батя придёт, вы ему расскажите, пусть идёт в Германию меня отбивать! Я его ждать стану. Слышите, дедушка?

— Слышу, слышу,— отвечал старик.— Если придёт, пойдёт отбивать.

Молодая девушка, хромя на одну ногу, ковыляла по обочине дороги и кричала прощальные слова подруге, которая шла в караване. Как, наверное, подруга завидовала ей, что она хромя и поэтому её не угоняют в неволю!

Взявшись за руки, в караване шли двое, мать и дочь, а младшая дочь бежала по обочине дороги.

— Вы вернитесь,— кричала она сестре и матери,— вы вернитесь, а то я тут пропаду одна!

— Вернёмся, вернёмся,— кричала мать, а сама думала: «Где уж мне вернуться». — Может, тебе добрые люди помогут.

Конвойные шли не спеша, равнодушно поглядывая вокруг и обращая столько же внимания на крики, слёзы и плач, сколько внимания обращает лошадь на монотонное жужжанье мух. И так же лениво, как лошадь отмахивается хвостом, вскидывали они автоматы, когда кто-нибудь из провожающих подходил слишком близко.

Лена растерянно смотрела на этих людей, растающих, наверное, навсегда: на тех, кого угоняли во вражескую неволю, и на тех, кто оставался без близких. И вдруг её окликнули:

— Лена!

Она даже не обернулась, настолько была уверена, что к ней это относиться не может. Но громкий, взволнованный голос повторял раз за разом:

— Лена, Лена!

И Лена обернулась, потому что голос этот до странности был ей знаком.

Она повернулась и чуть не вскрикнула: Коля, её Коля шагал в караване за цепью солдат с автоматами, маленький, жалкий, шагал и улыбался ей.

— Коля! — крикнула Лена и побежала к нему.

Солдат, не глядя, лениво стукнул её прикладом в плечо. Она отскочила и чуть не упала в канаву, но сразу бросилась снова за Колей.

— Коля,— кричала она,— Коля, как же ты? Что же ты?

— Понимаешь, Леночка,— кричал Коля,— в деревне на улице задержали. Ничего, Леночка!

Он улыбался и очень старался ободрить её, показать, что всё не так страшно, но по его улыбающемуся лицу одна за другой стекали крупные слёзы.

— Лена,— кричал он,— слушай меня внимательно, это очень важно! Спроси, если не поймёшь. Прежде всего, ты очень голодная. Пойди в деревню Селище, там у старика Бугаева я оставил для тебя хлеб. Он честный старик и непременно отдаст. Ты поняла меня?

— Мама, мама! — кричал мальчишка, бегущий почти рядом с Леной.— Мама, ты письма Синявинным пиши, они мне перешлют. Я уйду куда-нибудь, мама!

— Слышу, слышу! — кричал глухой старик, который, наверное, ничего не слышал.

— Лена, слушай внимательно, это очень важная вещь! Я должен открыть тебе одну тайну, страшно важную тайну. Ты поняла, Лена?

— Да, да, Коля, поняла.

— Слушай внимательно. Ты дочь того самого человека, о котором мы вчера с тобой говорили.

— Какого, какого человека?

— Только не называй фамилию! Я тебе объясню.

Того, о котором песню на пароходе пели. О котором ты меня спрашивала. Только не называй фамилию. Ты поняла?

— Бабушка! — кричал мальчик, шедший рядом с Колей. — Бабушка, если я там маму увижу, мы с нею вместе тикать будем. Ты жди.

— Да, да, — отвечала бегущая рядом с Леной старуха, — я жду, я дождусь!

— Я ничего не поняла! — кричала Лена. — Мой папа ведь учитель.

— Нет, нет, это дедушка выдумал, чтобы ты не проболталась... Ты меня понимаешь? Будь осторожна, молчи об этом.

— Девчатам скажи — пусть не забывают меня! — кричала подруге подруга.

— И не думай об этом, никогда не забудем! — отвечала подруга подруге.

— Коля, Коля, я боюсь!.. Коленька, милый, ты убеги как-нибудь! — Лена теперь ревела вовсю и кулаками вытирала слёзы.

— Я постараюсь, но ты не надейся. Лена, помни: иди к старику Бугаеву. Он добрый, он тебя к дедушке отведёт.

Офицеру, шедшему впереди, видимо, надоел шум. Повернувшись к солдатам, он скомандовал, и они вскинули автоматы. Несколько солдат отделились от цепи и пошли на людей, бежавших за караваном. Старики и старухи, девочки, мальчики, матери и отцы, деды и бабушки, дочери и сыновья кричали и продолжали рваться к близким, которых они видели последний раз. Но солдаты подняли автоматы и направили их на толпу. Толпа шарахнулась в сторону. Затрещали выстрелы... И вдруг солдаты упали. Они лежали на земле, выпустив автоматы из рук, а выстрелы продолжали трещать. Офицер повернулся и хотел что-то крикнуть, но

зашатался, упал, и фуражка, слетев с его головы, покатилась по дороге.

— Ложись! — крикнул кто-то, и Лена увидела возле дерева, росшего у самой обочины, невысокого парнишку в чёрной сатиновой рубашке. — Ложись! — кричал он. — Ай, какие непонятные! Ложись, а то пуля потревожить может.

Лена так растерялась, что даже не испугалась и стояла не двигаясь. Но тут какая-то старушка, видимо опытная в боевых делах, так толкнула её, что она упала в канаву. И сразу же несколько человек прыгнули через неё. Она видела только их сапоги.

Застрочили автоматы, взорвалась граната, какая-то женщина завизжала. Потом над канавой наклонился невысокий человек и сказал:

— Можете вылезать, граждане! Попался, который кусался.

Всё это произошло так быстро, что Лена не сразу пришла в себя. Только когда Коля подбежал к ней, счастливый, сияющий, и, обхватив её за плечи, громко поцеловал, она всхлипнула и вытерла нос рукой.

— Коленька! — сказала она и ещё раз всхлипнула.

На дороге лежали трупы тех самых равнодушных солдат, которые так лениво слушали крики и плач угоняемых. И великолепный, величественный офицер, шедший впереди, лежал лицом вниз, и вид у него был совсем не величественный. Освобождённые растерянно толпились на дороге, плакали, улыбались или удивлённо оглядывались вокруг. И снова выскочил молодой парнишка и закричал:

— Живо, живо, за мной!

Потом пожилой человек с усами деловито крикнул:

— Автоматы забрали?

— Забрали, — ответили ему.

— В заслоне остаётся Сидоренко. Сидоренко, будешь ждать час. Понятно?

— Понятно,— ответил Сидоренко.

И все — женщины, дети, старики — быстро пошли в лес за молодым парнишкой, который шагал впереди, указывая дорогу, и иногда, оглядываясь назад, кричал:

— Быстрее, быстрее, товарищи! Небось когда фашисты вели, так шагали как следует, а как свои, так идут точно дохлые мухи.

Он кричал это очень сердитым голосом, а потом вдруг начинал смеяться громко и весело. Смеялся он не потому, что ему было смешно. Просто он радовался, что удалось столько народу освободить.

Глава четырнадцатая

Поссорились

Сначала шли по ясно намеченной широкой лесной тропе. Шли быстро, и партизаны всё время торопили отстающих. Родители и дети, мужья и жёны, братья и сёстры, уже приготовившиеся к долгой, а может и вечной, разлуке, радовались так, как будто бы снова встретились. Одни без конца разговаривали, вспоминая все подробности освобождения, другие, наоборот, молча смотрели друг на друга и не могли насмотреться.

Чем дальше, тем лес становился глуше. Тропинка, теперь уже узенькая, полузаросшая травой, вилась между тесно растущими деревьями. Шли гуськом. Через час человек пятьдесят отделились и ушли в сторону. Освобождённых должны были разместить в нескольких пунктах. Ещё через час отделилась вторая группа.

Теперь вместе с Леной и Колей шли только три

старухи, два старика и хромая девушка. Командовал тот самый весёлый парень, который вёл их с самого начала. Он, покрикивая, торопил свою команду и очень огорчался, что они так медленно двигаются. Впереди ковыляла хромая девушка, оказавшаяся неплохим ходоком, за нею шли три старухи, за ними два старика и позади всех Коля и Лена.

Шли все довольно медленно, но Лена шла ещё медленнее других и всё время отставала. Она никакого внимания не обращала ни на покрикивания проводника, ни на Колины уговоры.

— Мы так отстанем,— говорил Коля,— иди немного быстрее.

— Не могу,— мрачно отвечала Лена и как будто нарочно ещё замедляла шаг.

— Не отставай,— весело кричал проводник,— поторапливайся!

Хромая девушка ускорила шаг, и старички, ободрившись, поспешили за нею. Только на Лену слова проводника не произвели ни малейшего впечатления. Она шла медленно, не торопясь и с каждым шагом всё больше отставала от остальных. Коля взял её за руку.

— Пойдём догоним их, а то, честное слово, потеряться можно.

Лена раздражённо вырвала руку.

— Пусть! Догоняй, а я не буду.

Проводник скрылся за поворотом тропинки. За ним энергично ковыляла хромая девушка. Лена шагала по-прежнему медленно, не обращая внимания на то, что расстояние между ней и остальными всё увеличивается. Лицо у неё было недовольное и хмурое.

— Я хочу есть,— вдруг заговорила она.

Коля никогда не слышал, чтобы она говорила таким злым и капризным тоном.

— Ты-то небось поел в деревне! Почему ты мне не принёс хлеба?

Коля даже растерялся. Он не мог поверить, что это Лена так говорит с ним.

— Ты же знаешь,— пробормотал он,— что я хлеб оставил для тебя в деревне. Я не понимаю, как это ты такое говоришь!

Лена передёрнула плечами. Уже и старухи скрылись за поворотом. Только спины двух стариков виднелись ещё впереди.

— Да,— заговорила она зло и плаксиво,— ты небось и поел и спал в доме. А я в лесу спала. Ты думаешь, это хорошо? Да?

Эти слова были так нелепы, тон был так несвойствен Лене, что Коля даже не рассердился.

— Брось, Лена, дуться! — сказал он весело.— Хочешь, я расскажу тебе что-нибудь? Про генерала Рогачёва хочешь?

— Не хочу! — резко сказала Лена.— Какое мне дело до него!

Коля только воскликнул:

— Лена!

— Да-да,— говорила Лена, торопясь и не договаривая слова.— И ты меня на целую ночь оставил в лесу! Может быть, меня там чуть волки не съели. Да-да, и медведь меня чуть-чуть не задрал. Конечно, тебе всё равно, что со мной будет!

— Ты не смеешь так говорить,— сдерживаясь, сказал Коля.— Поняла?

Но Лену остановить было невозможно. Она не помнила себя.

— Нет, смею,— говорила она,— хочу и смею! И уходи, пожалуйста. Всё равно я с тобой не хочу вместе быть. Вот сяду здесь и буду сидеть. Ты всё равно хотел, чтоб я с голоду умерла. Вот!

Она села на пенёк и отвернулась от Коли. Коля,

весь красный, стоял перед ней, засунув руки в карманы и сжимая в карманах кулаки.

— Если ты будешь так говорить,— медленно и раздельно сказал он,— я уйду.

— Уходи! Ну, что же ты не идёшь?

— Ну и уйду! — Коля так стиснул зубы, что ему трудно было говорить.

— Нет, не уйдёшь,— сказала Лена,— потому что ты трус. Ты боишься, что тебя дедушка накажет, если ты меня бросишь. Ты трусливый мальчишка!

— Хорошо же! — прошептал Коля.

— Ты хвастаешь,— продолжала Лена.— Ты всё равно не посмеешь уйти. Думаешь, ты мне нужен? Ты мне совсем не нужен.

Коля круто повернулся и, не сказав больше ни слова, побежал в сторону от тропинки, прямо в лес. Злость душила его. Он бежал, не разбирая дороги, и, подобрав на ходу валявшуюся палку, с такой силой треснул ею о ствол дерева, что палка разлетелась на куски. Это немного успокоило его. Подобрав большой прут, он стал колотить по верхушкам папоротников, росших между деревьями.

Сражённые папоротники валялись на землю, и Коле становилось легче. Он перевёл дыхание. Ярость уже не с такой силой бурлила в нём.

— Ну и что же, что младше? — говорил он в такт взмахам прута.— Всего на пять лет младше.

Прут сломался. Коля отшвырнул обломок и, сунув руки в карманы, стал шагать взад и вперёд.

— Семь лет,— говорил он, с силой топча ногами траву.— Это много — семь лет. В семь лет человек уже читает и пишет. Уже понимать должен... Что же, я так и скажу Рогачёву: хотел привести к вам дочь, но такой у неё характер, что невозможно.

Он шагал всё медленнее и медленнее и наконец остановился, прислонившись к дереву. Он сорвал

колосок. Он отгрызал кусочки колоска и выплёвывал.

«Положим, она действительно маленькая, — думал он. — И что это с ней случилось? Никогда такого не было».

Теперь он помнил не ту Лену, которую он оставил несколько минут назад, надутую и злую, а ту, которую он знал раньше, — всегда весёлую девочку из лесного дома, любительницу малины и берёзовых почек, доверчивую и послушную спутницу в путешествиях. У него засосало под ложечкой.

«Глупость какая! — думал он. — И что это её разобрало? Должна же она думать. Семь лет — это такой возраст, что можно всё понимать. Конечно, — рассуждал он дальше, — семь лет — это не двенадцать. В двенадцать лет человек уже почти взрослый, знает историю, географию, может работать, может и взрослым посоветовать иной раз. А в семь лет, конечно, ещё ребёнок. К тому же она устала, два дня почти ничего не ела, наволновалась. В двенадцать лет человек вынослив. У него большой запас сил. А в семь лет это, конечно, трудно. В конце концов я могу с ней не разговаривать, но сдать её партизанам я должен».

Минуту поколебавшись, он повернулся и неторопливо пошёл назад. Он шёл, нарочно замедляя шаг, хотя ему очень хотелось побежать.

«Наверное, — думал он, — она давно уже догнала остальных и идёт себе со старичками. По крайней мере, я доведу её до лагеря и уйду к деду. И будем мы с ним жить вдвоём...»

Он вышел на тропинку и остановился. Лена была там же, где он её оставил. Только теперь она лежала на траве, сжавшись в комочек.

Коля неслышно подошёл и заглянул ей в лицо. Она лежала с закрытыми глазами, но слёзы одна за

другой выползали из-под опущенных век и падали на траву. Лицо у неё было красное, горячее, и вся она, от головы до маленьких подогнутых ног, дрожала мелкой дрожью. Страшная мысль мелькнула у Коли. Он наклонился и положил руку Лене на лоб. Голова была так горяча, что никаких сомнений не оставалось: Лена была больна. Тяжело, опасно больна.

Она открыла глаза и посмотрела на Колю.

— Ты не возись со мною,—сказала она и всхлинула.— А папа пусть лучше про меня и не знает,—она снова всхлинула,— как будто меня и не было.

Коля просунул ей руки под ноги и под плечи и поднял её.

— Я не знаю,—сказал он хмуро,— сможешь ли ты мне простить, что я был таким дураком, а я себе этого никогда не прощу.

Глава пятнадцатая

Гремит гром, и сверкает молния

Как тяжело было нести на руках Лену! Через несколько шагов Коля уже задыхался. Только сейчас он почувствовал, как ослабел за эти дни. Он решил идти не торопясь, часто отдыхая.

Лена дремала, обхватив его шею руками. Такая была она беспомощная, такая несчастная, что, когда Коля вспоминал о недавней ссоре, его охватывали стыд и раскаяние.

Он теперь делал так: пройдя пятьдесят шагов, садился на пенёк или на упавшее дерево и отдыхал одну или две минуты. Потом опять проходил пятьдесят шагов и опять отдыхал. Через тысячу шагов он решил дать себе более долгий отдых.

Но ещё раньше ему пришлось встретиться с не-

ожиданным осложнением. Дело в том, что тропинка вдруг разделилась на две. Обе новые тропинки были мало заметны и поросли травой. По какой из них прошла партия освобождённых, было совершенно невозможно определить. Коля посадил Лену под дерево и стал внимательно вглядываться в траву, надеясь найти хоть какие-нибудь следы. Но на обеих тропинках трава была мало притоптана, и с одинаковым основанием можно было выбрать любую из них.

Оставаться здесь и ждать, пока за ними придут, было бессмысленно. Провожатый мог в суматохе и не заметить, что дети пропали, или мог предположить, что они ушли с одной из отделившихся партий. Подумав, Коля решил идти наудачу.

«В конце концов, — рассуждал он, — обе тропинки ведут в глубь леса и вряд ли особенно далеко расходятся. Вероятнее всего, обе приведут в лагерь».

Он взял Лену на руки и снова стал отмерять свои пятьдесят шагов. Через пятьсот шагов ему пришлось отдышаться уже минут десять. У него очень ломило спину и руки совсем онемели. Следующий продолжительный отдых пришлось устроить уже через триста шагов, а ещё через двести Коля почувствовал, что больше не может идти.

Лена дремала у него на руках. Она только на секунду открыла глаза, когда Коля положил её на траву, и сразу опять заснула. Коля нарвал травы и устроил ей подушку, натыкал веток, чтобы солнце ей не светило в глаза, и укрыл её своей курткой. Лена спала спокойно, и Коля решил, что пока и он может немного поспать. Он чувствовал, что это ему необходимо. Прошлую ночь, запертый в комендатуре, он не заснул ни на одну минуту.

Он лёг на самой тропинке, чтобы его непременно заметили, если партизаны станут искать. Он заснул сразу, как только положил голову на кочку.

Он старался поплотнее закрыть Лену курткой.

Пока он спал, партизаны действительно искали его, но не там, где он был. Исчезновение их заметили очень не скоро, только тогда, когда партия расположилась на отдых. Провожатый разрыл засыпанную листьями яму, достал оттуда консервы и галеты, пересчитал людей и сказал испуганно:

— Послушайте, тут же ещё двое были: мальчик и девочка!

Сразу был učinён строгий допрос хромой девушке, трём старушкам и двум старичкам, но никто из них не мог ничего припомнить. Они даже сомневались, были ли действительно мальчик и девочка. В конце концов решили, что если были, то пошли с другой партией. Всё-таки провожатый, накормив свою команду и предложив им часок отдохнуть, решил вернуться и поискать оставших. Он дошёл до того места, где отделилась последняя группа, но никого не обнаружил. Ему не пришло в голову, что дети пошли по другой тропинке.

Поэтому Колю и Лёну никто не потревожил, и Коля проснулся только вечером.

Он проснулся оттого, что загремел гром и ярко сверкнула молния. Коля вскочил. Было уже почти совершенно темно. Налетел ветер, и деревья, изогнувшись, замахали ветками. Первые капли дождя упали на землю. Коля подбежал к Лёне. Она всё ещё спала. Он наклонился над ней.

— Лёна,— сказал он,— начинается дождь. Надо идти, Лёна.

— Хорошо,— ответила она равнодушно.— Сейчас, я минуточку отдохну, и пойдём.

Если бы она возражала, говорила, что не может идти, жаловалась, ему было бы легче. Но это равнодушие, это полное безразличие больше всех слёз и жалоб говорило о том, что она больна.

Он поднял её. Она встала и покачнулась, но он

её поддержал. Странное появилось у него чувство. Время идёт, сменяются дни и ночи, воет Красная Армия, командует генерал Рогачёв, а они с Леной всё идут и будут идти по тёмному лесу, спотыкаясь от усталости и не смея остановиться. Старые берёзы тянули длинные ветки, ветер шумел в раскидистых кронах, и Коле показалось, что лес бесконечен, что он так и будет тянуться всегда и всегда суждено им с Леной брести по этой бесконечной тропинке.

Коля обнял Лену. Они шли нога в ногу. Лена опустила голову на грудь и говорила тихо и неразборчиво.

— Что ты? — спросил Коля.

Она не расслышала его вопроса и опять заговорила торопливо. Ни слова нельзя было понять в бессвязном её бормотании.

— Лена, — крикнул Коля, — Леночка, ты засыпаешь? — Он отлично понимал, что она бредит. — Леночка, проснись!

Она помолчала, а потом заговорила другим тоном. Коле показалось, что она пришла в себя.

— Ты знаешь, Коля, я что-то нездорова. И знаешь, что мне кажется? Что, может быть, генерал Рогачёв, о котором песню пели на пароходе, — ты помнишь? — может быть, это мой папа. Конечно, папа полковник и учитель, но всё-таки мне так показалось.

Как ни боялся Коля опасных встреч, но, если бы он сейчас увидел деревню, он, не колеблясь, вошёл бы в неё. Всё, что угодно, лучше, чем этот тёмный лес и бессмысленное бормотание Лены. Он же не знает, может быть, это очень страшная болезнь. Может быть, Лена умирает?

— Приди в себя, — сказал он. — Что ты говоришь? Ты же знаешь, что Рогачёв твой отец, ведь я же тебе рассказывал.

— Да-да,— сказала Лена.— Конечно, я знаю. Я всё это знаю...

— Лена, Леночка! — кричал Коля и теребил её за плечо.

Она смотрела на него непонимающими глазами.

Дождь хлынул как из ведра. Струи воды, пробиваясь сквозь листву, лились на землю. Сразу взмокла земля, и ручьи потекли между деревьями. Коля подхватил Лену на руки. С трудом он приладил куртку так, что она хоть немного прикрывала от дождя Лену. Уже через несколько шагов грязь и листья налипли на ботинки; подошвы скользили, и идти стало невыносимо тяжело. Сверкала молния. Деревья размахивали ветвями, потоки воды с шумом низвергались на землю. По щиколотку в воде, с трудом удерживаясь на ногах, брёл Коля.

— Ничего, ничего,— говорил он, прижимая Лену к себе.— Тебе ведь не страшно? Ведь ты понимаешь, что дождь не может вечно идти: пойдёт немного и перестанет.

Он поскользнулся и, обессилив, прислонился к стволу берёзы. Он всё старался поплотнее закрыть Лену курткой, чтобы дождь не попадал на неё. Под курткой Лена говорила что-то слабым, усталым голосом.

— Ты сказала что-нибудь? — спросил Коля.

— Ты положи меня,— говорила Лена,— я очень тяжёлая. А утром придёшь за мной.

— Тихе, тихе,— уговаривал Коля,— не надо говорить. Ты же простудишься.

Молния, сверкнув, осветила лес. Коля увидел, что у тропинки стоит шалаш из еловых веток. Скользя и чуть не падая в грязь, пробрался он к шалашу. В шалаше немного слабее били струи дождя. Всё-таки капли непрерывно пробивались сквозь хвою и падали Коле на голову, на плечи, на шею. На-

клонившись над Леной, Коля старался закрыть её от этих капель. Он прислушался. Лена опять говорила:

— Ты не уходишь? Я не знаю, что это на меня нашло. Я этого никогда не думала. А ты, наверное, сердишься?

— Молчи, молчи,— сказал Коля.— Боже мой, ты ещё говоришь со мной об этом! Давай никогда не вспоминать о том, как мы поссорились. Как будто этого не было.

— Коля, не уходи! — повторяла Лена.— Я всё боюсь, что ты на меня сердишься.

— Молчи, молчи, не надо открывать рот, а то ты простудишься.

Ветер гнул огромные деревья, гром раскатывался по небу. Ветер налетел на шалаш. Сначала он сорвал одну ветку, потом расшатал другую, вырвал её и отбросил, потом расшатал третью. Как разъярившийся великан, ветер отрывал от шалаша ветки одну за другой, бросал их на землю и топтал их ногами. Вот он умчался дальше — шатать деревья, гнать тучи, выть и свистеть, а у тропинки остался только скелет шалаша, только несколько голых связанных сучьев, и под этими сучьями, открытые хлещущим косым струям дождя, сидели, прижавшись друг к другу, Коля и Лена.

Но вот ещё раз сверкнула молния. Гром гремел где-то далеко. Дождь уже не хлестал сплошными струями. Теперь мелкие капли монотонно шумели в листьях. Всё погрузилось в густую, непроглядную темноту.

И вдруг в темноте появилась светящаяся точка. Она как будто раскачивалась и медленно, но неуклонно приближалась. Коля не отрываясь смотрел на неё. Он был так слаб, что даже не мог крикнуть. Уже было видно, что это движется ветровой фонарь.

Освещённые им, появились из темноты облепленные грязью, медленно шагающие сапоги да маленький кусочек тропинки, размытой дождём.

Равномерно покачиваясь, двигался фонарь, равномерно хлопали по грязи сапоги. Вдруг фонарь остановился и поднялся кверху. Теперь он освещал брезентовый капюшон и немолодое лицо с пушистыми седыми усами.

— Э! — сказал человек, нёсший фонарь. — Тут, по-моему, кто-то есть.

Из темноты в круг света вступила высокая худая женщина.

— Ну конечно, — сказала она, — мальчик и девочка.

Коля сидел, мокрый, дрожащий, прижимая к себе Лену, и напряжённо смотрел на склонившихся над ними людей.

— Ну-с, молодой человек, — спросил усатый, — кто вы такой и как вы сюда попали?

— Это моя сестра, — сказал Коля, — она больна.

Усы пошевелились.

— Ну-ну, посмотрим... Берите, Александра Петровна, девицу, а вы, юноша, тоже, кажется, идти не способны. Ну, что же, лезьте мне на спину и чувствуйте себя там как дома.

Ветровой фонарь покачивался, освещая неверным светом деревья, лужи, мокрую траву, поднимающуюся из воды.

Обхватив ногами спину усатого, Коля положил ему голову на плечо.

Деревья появлялись из темноты и уходили опять в темноту. Коле они казались то стариками, идущими под конвоем фашистских солдат, то партизанами, выскочившими из лесу. Коля изредка ещё вздрагивал, но почему-то ему казалось, что теперь всё будет хорошо.

Сквозь сон видел Коля тёмную деревенскую улицу, слышал глухой собачий лай и скрип двери. Лампа ярко освещала избу. Какой-то мальчик вышел навстречу и потом хлопотал, устраивая постель. Качаясь, дошёл Коля до лавки, где постелили ему, натянул одеяло и сразу заснул. Снился ему домик в лесу, дедушка на крылечке, цыплята, которые пищат, забираясь под крыло наседки.

Проснулся он в комнате, освещённой солнцем, и, проснувшись, долго не мог вспомнить, что с ним было и как он сюда попал.

Мальчик (Коля туманно вспомнил, что видел его вчера) сидел за столом и, высунув на сторону язык, писал. Работа эта давалась ему нелегко. Он вздыхал, окунув перо в чернильницу, долго осматривал его, тщательно снимал волоски и вообще проявлял много неторопливости и аккуратности. Однако не только пальцы, но даже ухо и нос были у него выпачканы чернилами. По другую сторону стола на скамейке сидели фокстерьер с обрубленным хвостом и надорванным в жестоких боях ухом, одноглазый рыжий кот, который, казалось, всё подмигивал и ухмылялся про себя, и чёрный ворон, который держал голову так, как будто твёрдый крахмальный воротничок всё время подпирал ему шею.

Мальчик задумался, потом, посмотрев на фокстерьера и ворона, спросил:

— «Кувыркаться» пишется с мягким знаком?

Фокстерьер тявкнул, а ворон, склонив голову набок, прокричал:

— Воронок, Воронуша!

— Дураки!—с огорчением сказал мальчик.— Ни о чём вас нельзя спросить, а есть небось просите.

Коля не выдержал и рассмеялся. Фокстерьер повернулся к нему, поднял ухо кверху, так что оно торчало, как сигнальный флажок, и твякнул. Тогда кот посмотрел на Колю и подмигнул, а ворон необыкновенно кокетливо повертел головой и переступил с лапы на лапу.

Мальчик осторожно положил ручку на чернильницу и провёл рукой по лицу, желая, очевидно, стереть пятно с носа. Вместо этого он оставил широкую лиловую полосу на щеке, но, так как полоса была ему не видна, счёл, что всё в порядке.

— Проснулся? — сказал он. — Ну, здравствуй.

— А Лена где? — хмуро спросил Коля.

— Это сестрёнка твоя? Она в соседней избе, у Александры Петровны. Она, понимаешь, больна. У неё воспаление лёгких.

Коля вскочил и начал торопливо одеваться.

— Ты что, к ней хочешь? — спросил мальчик. — Ты не торопись. Отец тебя, наверное, не пустит.

— А кто твой отец? — буркнул Коля. Он так привык за последнее время всегда опасаться врагов, что неизвестный этот отец, сам мальчик и даже фокстерьер, даже кот, даже ворон казались ему подозрительными.

Мальчик провёл рукой по волосам, отчего на них осталась ровная чернильная полоса, и сказал спокойно и веско:

— А ты не рывкай. Сердиться тебе совершенно нечего. Отец мой — Василий Георгиевич Голубков, фельдшер. Вчера, возвращаясь от больного, нашёл тебя и твою сестру в лесу. И подобрал, не желая, чтобы вы там померли. И нёс тебя на спине километров пять. И устроил тебя у себя дома, а сестру твою — у нашей акушерки Александры Петровны, хотя это опасно, потому что сюда фашисты заходят и ловят всех подозрительных. Понял или нет?

— Проснулся? Ну, здравствуй.

Коля постоял, подумал, потом повернулся и сказал:

— Ты на меня не сердись. Давай мириться.

— Вот так-то лучше,— сказал мальчик, протягивая ему руку.— Тебя как звать?

— Коля. А тебя?

— Меня — Владик, а фокстерьера — Жук. Тебе сколько лет?

— Двенадцать.

— Мне тоже... скоро будет. Ну, а теперь пойдём. Может, тебя и пустят к твоей сестре.

Они вышли. Это была очень маленькая деревня. На каждой стороне улицы стояло не больше десяти домов. Вокруг деревни шло узенькое кольцо полей, огороженных жердями, и сразу начинался лес. Улица была пустынна. Только ленивые собаки лежали в пыли, положив на лапы сонные морды, да какой-то малыш ревел во всю глотку. Впрочем, увидев Колю, он замолчал. Видимо, появление нового человека в деревне очень его поразило.

Кот и ворон остались дома, а Жук бежал за мальчиками, задрвав обрубок хвоста и горделиво поглядывая на сонных собак. Дом Александры Петровны был совсем близко, и около этого дома заметно было некоторое оживление.

У палисадника стояли и разговаривали две старухи. Они замолчали, когда мальчики подошли, и проводили их любопытными взглядами.

На крыльце сидел старик. Он посторонился, чтобы пропустить мальчиков, и молча ответил на поклон Владика. В сенях был слышен гул голосов, доносившийся из избы. В избе шёл оживлённый спор, в котором участвовало, видимо, много народу.

— Странно! — сказал Владик.— Отец не любит пускать посторонних к больным.

В этот момент дверь в избе отворилась, и в сени

выскочил Василий Георгиевич. Он был красен и возбуждён, усы его сердито топорщились.

— Посмотрим! — крикнул он в избу и с шумом захлопнул дверь. Увидев Колю, он посмотрел на него, потом сказал: — А-а, кстати, молодой человек... — и, схватив его за руку, быстро потащил за собой.

Коля решил, что Василий Георгиевич на него за что-то сердится. Он только не мог понять, за что. Фельдшер пыхтел от негодования и иногда, не в силах сдержать ярость, энергично дёргал Колину руку. Они спустились с крыльца, обогнули избу и вошли в пустой хлев, в котором, по-видимому, давно уже не было коровы и проживала только тощая курица.

— Ну-с, молодой человек, — сказал Василий Георгиевич, отпустив наконец Колю и вытирая со лба пот, — кто такая эта девочка, которую ты выдаёшь за свою сестру?

Коля обмер и молчал, опустив глаза в землю.

— Дело в следующем, — продолжал Василий Георгиевич, — твоя сестра заявила в бреду, что она дочь знаменитого генерала Рогачёва. Так вот, меня интересует, что это — бред или правда?

Коля молчал, а потом поднял глаза и сказал:

— Врёт она.

— Отлично. Значит, это бред?

— Врёт она, — упрямо повторил Коля.

Василий Георгиевич смотрел на Колю внимательным, испытующим взглядом.

— Отлично. Теперь слушай, почему важно выяснить это совершенно точно. Твоя сестра, или кто она там, — словом, эта девочка говорила о своём знаменитом отце так много, что слухи пошли по всей деревне. Народ-то у нас ничего, можно положиться, не выдаст. Но есть у нас один человек, высокое наше

начальство — староста. Староста этот, попросту говоря, свинья свиньёй, и нелёгкая занесла его в избу, когда девочка всю болтала про своего отца. Староста решил немедленно ехать в село, чтобы донести по начальству. Александра Петровна подняла крик и созвала людей. И вот сейчас собрался народ в избе, держит старосту и не выпускает. А староста рвётся ехать в село — сообщить в комендатуру. Ясно?

— Выдумала она, — сказал Коля. — Слышала песню про Рогачёва и выдумала.

Василий Георгиевич внимательно посмотрел на Колю:

— Хорошо. Тогда донос неопасен, и я велю старосту отпустить.

Он повернулся и решительно направился к дому.

— Стойте! — крикнул Коля.

Василий Георгиевич обернулся:

— Ну?

— Не надо отпускать старосту.

— Почему? Она действительно дочь Рогачёва?

— Нет... Но...

Василий Георгиевич подошёл к Коле и сказал серьёзно:

— Коля, задерживая старосту, все мы рискуем жизнью. Если это действительно дочь Рогачёва — ну что ж, мы не побоимся. Но если нет — девочке ничего не грозит, а мы рискуем напрасно. Посмотри на меня и скажи правду.

Коля поднял глаза. Фельдшер стоял красный, взволнованный, усы у него топорщились, и такое честное было у него лицо, что Коля вдруг решил:

— Она правду говорила. Генерал Рогачёв — её отец.

Василий Георгиевич сразу стал очень деловит.

— Так, — сказал он. — Откуда это известно?

Коля рассказал про деда Ивана Игнатьевича, про

человека, который пришёл в лесной дом,— словом, всё, что он знал сам. Фельдшер выслушал до конца, потом взял его за руку и молча повёл за собой.

Глава семнадцатая
Слышна артиллерия

Когда они вошли в избу, спор там несколько утих.

В углу, на высокой кровати, разметавшись, лежала Лена. Глаза у неё были открыты, но она никого не видела. Александра Петровна сидела возле неё на стуле и вязала чулок. Вдоль стен, на лавках, и на полу, сидело человек десять крестьян, почти сплошь старики и старухи.

Невысокий худой человек с тощей рыжей бородкой и блёклыми голубыми глазами сидел на стуле в углу. Фельдшер подошёл к Лене, пощупал пульс и потрогал голову.

— Вечером ещё банки поставьте,— сказал он Александре Петровне.

— Так что же, Василий Георгиевич,— жалобно сказал рыжий мужичок,— я поеду в село, а то как бы не вышло чего. Лошадку заложу и мигом съезжу. И всё в порядке, мы не в ответе.

Фельдшер повернулся к седобородому деду с лысой, как колено, головой:

— Что, Иван Матвеевич, сегодня стрельбу слышали?

— Слыхали,— ответил старик.— С утра как начало ухать!

— И думаешь, артиллерия?

— Артиллерия,— уверенно сказал старик.

— Значит, близко.

— Мальчишка мой приехал,— заговорила вдруг

востроносая старушонка.— Говорит, по шоссе так и прут. И пушки, и танки, и чего только нет! Офицеры дамочек в машины подсаживают и пожалуйста — прямо на Берлин.

Рыжебородый по-бабьи приложил руку к щеке и застонал, как от зубной боли.

— Ой-ой-ой,— стонал он,— и что же это выйдет? Кому верить, кого слушать? Не донесёшь — плохо, а донесёшь — может, ещё хуже.— Он вдруг вскочил и быстро направился к выходу.

Пока он добежал до двери, оказалось, что перед дверью, заслоняя выход, уже сидит маленький старичок.

— Подожди, Афонькин,— сказал ласково старичок.— Может, ночью Красная Армия придёт, ты и вернуться не успеешь.

— Ой-ой-ой,— опять заскулил Афонькин,— братцы мои! Если б вы люди были, мы бы договориться могли. Я бы сейчас донёс, нам бы ничего и не было. А когда Красная Армия пришла бы, вы бы меня покрыли, и мне ничего бы не было. А, братцы мои? Как вы, а?..— Он заискивающе посмотрел на мужиков, сидящих вокруг, и безнадёжно махнул рукой: — Донесёте, дьяволы! — плачущим голосом сказал он.

Мужики ухмыльнулись и отвели глаза в сторону.

— Да уж как сказать,— пожал плечами лысый старик,— если к слову придётся...

— Хорошо,— решительно сказал рыжебородый,— держите меня, не пускайте меня. Через три дня я должен списки в село доставить. Не доставлю — сразу за мной приедут. Вот тут мы и посмотрим, чья взяла.

— Да ведь как сказать,— опять ухмыльнулся лысый,— за три дня ты и в речке утонуть можешь и просто своей смертью помереть.

— Слышишь, Афонькин?

— А-а,— закричал рыжебородый,— убить хотите? Угрожаете? — Он весь дрожал, и бородака его тряслась.— Придут из комендатуры — покажут вам!

Тогда вдруг встал молчавший всё время огромный старик с большой седой бородой. Молча подошёл он к окну и ударом руки распахнул его. Все смотрели на него и ждали, что он скажет. А он только поднял палец.

И в тишине стал отчётливо слышен далёкий гул артиллерийской пальбы. Старик посмотрел на рыжебородого и сказал:

— Слышишь, Афонькин?

Потом так же молча пошёл и сел на своё место в углу.

И снова раздались стоны и всхлипывания рыжебородого:

— Ой-ой-ой, что же делать? Донесёшь — плохо и не донесёшь — плохо. Как быть человеку, как быть?

Закрыв лицо руками, он в отчаянии раскачивался взад и вперёд.

— Тьфу,— сказал Василий Георгиевич,— пацость какая, честное слово! Выведите его, братцы,— тут больная лежит. Ей свежий воздух нужен.

Глава восемнадцатая

Фельдшер побеждает болезнь

День шёл за днём, а Лене не становилось лучше. То она металась на постели, кричала, звала Колю, отца, дедушку, жаловалась, что не может больше идти, то она успокаивалась, замолкала и лежала такая слабая и беспомощная, что даже Александра Петровна, видевшая на своём веку много тяжёлых больных, и та испуганно прислушивалась к её дыханию.

Василий Георгиевич часами просиживал у её постели. Он снова и снова щупал её пульс, пробовал рукой горячий лоб, хмурился, шевелил усами и чуть слышно, про себя, чертыхался.

Колю и Владика не пускали к Лене. Коля подолгу ходил вокруг дома, дежурил под дверью, стараясь расслышать каждый вздох Лены и каждое слово фельдшера. Когда его прогоняли, он пытался заглянуть в окно или, мрачный как туча, сидел на крылечке. Владика ни разу не удалось уговорить его сходить на озеро выкупаться или просто погулять по лесу.

— Не хочется,— отвечал Коля и отворачивался; даже на Владика ему не хотелось смотреть.

Владик привлекал на помощь фокстерьера и ворона. Ворон кричал: «Воронок, Воронуша!»— больше он ничего не умел говорить, фокстерьер служил, весело вскидывал кверху ухо и по команде тявкал. Коля сидел мрачный или улыбался такой невесёлой улыбкой, что даже фокстерьер смущался и отходил в сторону, понимая, что выступление его не имело успеха.

Иногда в самом разгаре упражнений фокстерьера и ворона Коля вдруг спрашивал:

— А твой отец лечил воспаление лёгких?

— Тысячу раз,— уверял Владик,— даже больше.

— А бывает, что... ну, что не удаётся вылечить?

— У отца не бывает. То есть бывает, конечно, но очень редко.

Коля отворачивался, но даже по спине видно было, какое у него скверное настроение.

— Да ты не волнуйся,— успокаивал его Владик.— Хочешь, спроси у ворона! Раньше воронов предсказателями считали.

Коля смотрел на ворона с сомнением, но всё-таки спрашивал:

— Ворон, ворон, скажи мне, выздоровеет Лена? Ворон хитро косил глазами и говорил своё постоянное: «Воронок, Воронуша!»

— Это значит — выздоровеет! — говорил радостно Владик.

Но Коля с досадой отворачивался:

— Ничего это не значит. Дурак твой ворон. Болтает одно и то же.

Однажды ночью Александра Петровна постучала к фельдшеру в окно. Коля, который теперь не мог крепко спать, а только дремал, сразу вскочил. Фельдшер, натягивая сапоги, сердито посмотрел на него и сказал:

— Сейчас же спать!

Коля знал, что спорить с фельдшером бесполезно. Он тяжело вздохнул, лёг и только смотрел умоляющим, жалобным взглядом. Василий Георгиевич быстро оделся и вышел. Как только за ним закрылась дверь, Коля вскочил и стал одеваться.

— Куда ты? — сонно спросил Владик.

Владик любил поспать и спал всегда очень крепко.

— Спи, — ответил Коля. — Ничего, я сейчас.

Войти в дом к Александре Петровне Коля не решился — он знал, что фельдшер всё равно его выгонит. Из-за двери не доносилось ни одного звука, окна были занавешены. Коля уселся на крылечке, изнывая от тоски и страха. Он вспоминал выражение лица Василия Георгиевича, сопоставлял десятки мелких наблюдений, фразы, сказанные Александрой Петровной, и приходил к твёрдому выводу, что положение отчаянное и что Лена умирает, если уже не умерла.

Луна сияла над деревней, длинные тени тянулись от домов, от деревьев, от колодезных журавлей. Мир в лунном свете был спокоен и величав, а на

крылечке сидела, скорчившись, маленькая фигурка, дрожала, всхлипывала и трепетала от ужаса.

Владик тихо подошёл и молча сел рядом с Колей. Как он ни любил спать, но сегодня и он проснулся. Мальчики долго сидели молча. Потом Коля повернулся к Владиду:

— Владик, это очень тяжёлый случай?

— Ерунда! У папы бывают случаи в сто раз тяжелей, даже в тысячу раз.

Мальчики снова замолчали. Тявкнула где-то собака. Луна стала заметно клониться к закату.

— Владик,— спросил Коля,— а почему Василий Георгиевич такой мрачный?

— Ты не бойся,— ответил Владик.— Это он всегда такой мрачный.

Долго тянулась ночь. Луна коснулась краем верхушек деревьев, на востоке начали меркнуть звёзды, петухи закричали, чтобы проверить, всё ли в порядке, и, успокоив друг друга, замолкли.

Наконец неожиданно громко стукнула дверь. Коля и Владик вскочили.

Голубков, усталый, но возбуждённый, стоял на крыльце. Он нахмурился, увидя мальчиков.

— Вы тут?— строго спросил он.— Я ведь велел вам спать.

Коля не отвечал. Он даже дышать не мог от волнения. Голубков усмехнулся, потрепал его по голове и сказал:

— Можешь не беспокоиться: выздоровеет Лена. Кризис прошёл, и температура падает.

После всех тревог короткий отдых

Как только Лена начала поправляться, жизнь в деревне очень понравилась Коле. Старики и старухи — единственные оставшиеся в деревне жители — к Коле относились хорошо. С Василием Георгиевичем и Александрой Петровной Коля сдружился так, как будто вырос у них.

Фельдшер был шутлив, энергичен и вспыльчив. Когда лицо его наливалось кровью и усы поднимались кверху, Коля и Владик замолкали и старались незаметно уйти. Но он отходил с удивительной быстротой. Стукнет кулаком по столу, посмотрит на кулак и рассмеётся.

Он прожил в этих местах тридцать лет. Четырнадцать лет назад он женился. Вскоре жена умерла, оставив ему сына. Василий Георгиевич сам воспитал Владика; пока Владик был маленький, сам кормил его с ложечки, сам купал и даже сам чинил ему штаны.

Александра Петровна пыталась было взять это на себя, но фельдшер резко сказал, что он и сам справится.

Когда Владiku исполнилось десять лет, отец стал посвящать его в свои дела и советоваться с ним, как со взрослым. Владик знал симптомы многих болезней. Когда отец и сын обсуждали какой-нибудь серьёзный вопрос — например, как обойтись без денег или можно ли принять у бабушки Алексеевой курицу, которую она принесла в благодарность за лечение, — со стороны казалось, что беседуют двое мужчин, двое товарищей по работе.

Коля очень сдружился с Владиком. У него давно не было товарищей-сверстников. Лена была всё-таки значительно младше, и он привык относиться к ней

покровительственно. Вдвоём с Владиком они ходили купаться на маленькое озеро недалеко от деревни, состязались в плавании и в беге. С ними ходил фокстерьер. Кот любил лежать на печи, а ворон, которому, по словам Владика, было двести лет, провожал их очень недалеко от дома и торопливо возвращался назад. Он очень боялся новых мест.

Лена быстро поправлялась. У её постели всегда толкался народ. Старики и старухи приносили гостинцы и расспрашивали Лену про отца, про её жизнь. Очень хвалили Ивана Игнатьевича Соломина, говорили, что он, видать, человек хороший и умный. Одобряли и Колю: другие в его годы собак гоняют, а он всё-таки спас Лену и не попался фашистам.

Утро начиналось с того, что мальчики заходили к Лене, иногда приносили ей ворона, который развлекал её, крича: «Воронок, Воронуша!» Фокстерьер ходил на задних лапках или притворялся мёртвым, а Лена смеялась и хлопала в ладоши. Потом мальчики уходили на озеро. Василий Георгиевич разрешил Владiku не заниматься, пока здесь Коля, и не давал ему никаких поручений. Потом опять шли к Лене и обедали все вместе у Александры Петровны. После обеда бегали по деревне, иногда заходили к кому-нибудь из соседей или разговаривали с Василием Георгиевичем.

Деревня стояла в стороне от дороги, далеко от городов и сёл, и редко-редко бывало, чтобы в неё попадал чужой человек. Оккупация коснулась её сравнительно мало. Фашисты знали, что места эти глухие, гарнизона здесь не держали и наезжали редко, так как побаивались ездить лесными дорогами. Единственным представителем гитлеровской власти в деревне был староста. Он составлял списки на отправку людей в Германию, он выдал дочь вдо-

вы Моргуновой, которая пряталась в погребе, и крестьяне давно бы с ним рассчитались, но за убийство старосты фашисты сжигали деревни и расстреливали жителей.

Теперь, когда артиллерийская стрельба доносилась уже совершенно отчётливо и фронт, очевидно, с каждым днём приближался, старосте стали по ночам сниться нехорошие сны. Крестьяне выжидали и не сводили счёты со старостой, откладывая это до прихода советских частей, а староста боялся крестьян и перечить им не решался. На всякий случай его никуда из деревни не выпускали и следили за каждым его шагом.

Через три дня, когда старосте пришло время ехать в село отвозить списки, его заставили написать письмо и в письме объяснить, что он болен и посылает доверенное лицо. Афонькин выходил из себя, но ничего сделать не мог. Доверенным лицом выбрали совершенно глухого старика, который твёрдо обещал, что ни одного вопроса не расслышит. Старик съездил и на следующий день к вечеру благополучно вернулся.

Несмотря на то что он был глух и подслеповат, то, что ему было нужно, он отлично сумел услышать и разглядеть. Он рассказал, что по шоссе непрерывным потоком уходят на запад обозы и колонны машин, что фашисты очень угрюмы, что какой-то важный гитлеровец из города уже убежал — словом, что дело как будто идёт к концу.

Староста очень забеспокоился, просил, чтобы все запомнили, как он не хотел идти в старосты и как он старался кого можно спасти. Всё это было враньё. Старосте так и сказали, и он совсем приуныл.

Вечером все собрались на улице — послушать стрельбу. Стрельба слышалась очень ясно. Сначала думали — это потому, что ветер попутный, но оказа-

лось, что ветер совсем не попутный, а просто за сутки фронт очень приблизился. Коля побежал рассказать об этом Лене. Лена заволновалась. Она последнее время всё думала о встрече с отцом, у всех спрашивала, узнает ли он её. Ведь, наверное, она очень переменилась за эти три года. Вдруг он её не признает своею дочерью?

На следующий день Лена впервые вышла на улицу. Коля и Владик зашли за нею пораньше утром. У всех домов её приветствовали хозяйки и приглашали зайти. Фокстерьер прыгал вокруг и вилял обрубком хвоста, ворон без конца кричал: «Воронок, Воронуша!», и кот, не любивший выходить из дому, на этот раз вышел на крыльцо.

По случаю выздоровления Лены решили на следующий день устроить праздничный обед. На первое должна была быть уха из рыбы, которую наловит Владик. На второе — грибы. На третье — ягоды, которые соберёт Коля.

Вечером Василия Георгиевича срочно вызвали в деревню километров за двадцать. Там заболела женщина, и помощь нужна была немедленно. Фельдшер уложил в чемоданчик инструменты и отправился, пообещав вернуться поскорее. Однако вернулся он только на следующий день к вечеру. Настроение у него было мрачное, за ужином он молчал, недовольно фыркал и топорщил усы. Когда Лена ушла спать — она после болезни была ещё слаба и леглась спать рано, — Василий Георгиевич вдруг выпал:

— Лену по соседним деревням, оказывается, ищут.

Коля вздрогнул от неожиданности и открыл широко глаза.

— Да-да, — продолжал фельдшер, — в ту деревню уже приезжали. Опрашивали жителей, не про-

ходили ли мальчик и девочка. Скоро, наверное, и к нам приедут.

За дни, прожитые у фельдшера, Коля успокоился и перестал чувствовать себя беззащитным, преследуемым беглецом. Ему казалось, что все опасности остались уже позади. Спокойно дождутся они прихода советских войск, тогда он отведёт Лену к Рогачёву и всё будет хорошо.

Отчаяние охватило его при мысли, что снова нужно бежать, спастись, прятаться. Вероятно, очень грустное было у него лицо, потому что фельдшер улыбнулся и потрепал его по голове.

— Ничего, Коля,— сказал он,— не унывай! Может, ещё до нас не дойдут. А дойдут, так спрячем. А не сможем спрятать, так убежим вместе.

Очень скоро ему пришлось выполнить своё обещание.

Глава двадцатая

Рыбная ловля

Утром Владик накопал червяков, собрал удочки и отправился на озеро. Коля с большой корзиной пошёл собирать ягоды. Лена хотела идти с ним, но Голубков не пустил.

— Нельзя,— сказал он.— Лежи и питайся. Может, скоро тебе понадобятся силы.

Коля очень быстро набрал полную корзину ягод. Лесная земляника была в этих местах отличная, и малина стала поспевать. Когда ягоды больше некуда было класть, Коля решил наведаться на озеро к Владиду. Владик сидел на камне в тени большой ивы и внимательно смотрел на поплавок. Даже здесь, у воды, было жарко. Монотонно жужжали шмели. Пролетела прозрачная голубая стрекоза. Жуки-плавунцы бегали по воде.

— Как дела? — спросил Коля.

Владик молча кивнул головой на ведёрко, в котором плескался десяток небольших окуньков. Коля сел на гнилой ствол дерева, давно когда-то поваленного бурей. Было так жарко, что даже разговаривать не хотелось. Владик взмахнул удочкой, но рыба сорвалась. Он снова закинул удочку. Поплавок лёг на воду и плавно заколебался от лёгкой зыби.

— А когда фашистов прогонят, вы с Леной в город уедете жить? — спросил Владик.

— Да, конечно, — ответил Коля.

Он удивился, что Владик спросил об этом. Владик сидел не шевелясь, внимательно глядя на поплавок.

— Дед говорит, — продолжал Коля, — что, если наш дом разрушили, нам дадут другую квартиру, так что жить будет где.

Коля замолчал. Стрекоза села на ствол дерева рядом с ним, и Коля смотрел, как трепыхаются её голубые крылья. Овод жужжал над самым Колиным ухом, но Коле лень было отмахнуться.

— А мы с отцом здесь останемся, — вдруг сказал Владик. — Отец уже привык к нашей деревне.

Он сказал это спокойно, даже равнодушно, но Коля почувствовал, что ему очень грустно будет остаться здесь.

— Ерунда! — сказал Коля уверенно. — Тебе же надо в школе учиться.

— Ну и что же, тут есть школа.

— Где, в селе? За десять километров?

— Ну и что ж? Там интернат был. И после войны опять будет.

Владик взмахнул удилицем. Окунь сверкнул в воздухе и упал на траву.

— Большой! — сказал Коля.

— Да, ничего.

Владик пустил окуня в ведёрко, нацепил червяка и снова забросил удочку.

— Ерунда! — сказал Коля. — Раз всё равно придётся жить в интернате, так лучше зиму жить в городе и там учиться. В городе десятилетка, а тебе всё равно скоро в восьмой класс. У нас и жить будешь. В одной комнате — мы с тобой, в другой — бабушка.

Ему стало и самому грустно, когда он подумал, что Лены с ними не будет. Как-то до сих пор ему ни разу не приходило в голову, что отведёт он Лёну к отцу и они расстанутся. Может, конечно, ещё когда-нибудь и увидятся, но это уже будет не то. Не так, как всё это время. Не будут вместе заниматься, вместе играть, по вечерам слушать рассказы деда.

— Если твой дед согласится, может, отец меня и отпустит.

— Согласится, — уверенно сказал Коля. — Как же иначе!

— А Лёна в Москву уедет? — спросил Владик.

— В Москву, — ответил, подумав, Коля. — Наверное, в Москву.

Снова сверкнул в воздухе серебристый окунь и упал на траву. Коля молча смотрел, как Владик наживил крючок и забросил удочку.

Снова колыхался на воде поплавок, и снова молчали мальчики. Стрекоза снялась с места и полетела над травой, сверкая и трепеща крыльями.

И теперь Владик почувствовал, что Коле грустно.

— С тобой дед занимался эти годы? — спросил он.

— Занимался. Если Запольск до начала учебного года освободят, я в шестой класс пойду.

— И я в шестой. Значит, через пять лет мы десятилетку кончим. И поедем в Москву поступать в вуз.

Владик сказал это так спокойно и деловито, что Коле вдруг стало ясно: именно так и будет. Он впервые ясно представил себя студентом.

— Ты на кого учиться будешь?— спросил он.

— На доктора,— ответил Владик.— А ты на кого?

— Не знаю, как это называется... На зоолога. Есть зоологический институт?

— В Москве, наверное, есть.

— Ну вот я в нём и буду учиться.

Владик взмахнул удилищем, и по траве запрыгала краснопёрка. Владик пустил её в ведро, наживил крючок и снова закинул удочку.

— Жить будем с тобой в общежитии,— сказал он.— Попросим, чтобы в одной комнате поселили.

— А в воскресенье,— продолжал Коля,— купим билеты в театр и зайдём за Леной. Ты ездил в трамвае?

— Нет, но я знаю, как ездят.

— И я знаю. А летом будем в парк ходить гулять...

Мальчики помолчали.

— Врач и зоолог,— сказал Владик,— это похожие специальности.

— Очень похожие,— подхватил Коля.— Много предметов совсем одинаковых. Наверное, их и проходят вместе.

— Будем на лекции вместе ходить...— Владик вдруг замолчал.

— А на лето,— сказал Коля,— махнём вместе с Леной в Запольск. Нарочно усы отрастим, дедушка и не узнает. Скажем: «Здрате, привезли привет из Москвы».

Поплавок дёргался и то уходил под воду, то снова выскакивал на поверхность.

— Ключёт! Большая, наверное.

— Тсс!— сказал Владик.— Тише, заметит...

Владик смотрел поверх озера, туда, где по склону поросшего лесом холма вилась тропинка. По тропин-

ке шёл человек. Он то скрывался за деревьями, то появлялся.

Коля сначала даже не понял, чего испугался Владик: идёт человек, ну и пускай себе идёт.

Но человек в это время вышел из-за ствола, медленно, осторожно, как будто готовясь при малейшей тревоге спрятаться снова. Он оглядел лес. Мальчики сидели не двигаясь. В чередовании зелёной листвы и берёзовых белых стволов фигуры их не выделялись.

Человек пошёл дальше. Он всё-таки не был спокоен: всё оглядывался, шёл крадущейся, вороватой походкой. Прежде чем он скрылся за вершиной холма, Коля его узнал: это был староста Афонькин.

— Владик! — сказал Коля растерянно. — Как же, значит, его выпустили?

Владик торопливо складывал удочки.

— Пошли, — сказал он, — нечего терять время.

Глава двадцать первая

Снова в путь

Мальчики шагали быстро, почти не разговаривая, чтобы не запыхаться. Жук встретил их возле дома весёлым тьявканьем. Лена, высунувшись в окно, закричала:

— Рыбы много поймали? Ух, сколько ягод!

Мальчики, не отвечая, поднялись на крыльцо и вошли в дом. Василий Георгиевич сидел за столом и разбирал старые записи. Посмотрев на мальчиков, он сразу понял: что-то случилось.

— Ну, что такое? — спросил он хмурясь.

— Папа, где Афонькин? — ответил вопросом Владик.

— Афонькин? — Фельдшер нахмурился ещё больше. — Его Александр Тимофеевич сторожит.

По тропинке шёл человек.

— Нет, Афонькин сбежал. Мы его видели. Он шёл по тропинке через большой холм, к селу.

— Вздор! Не может быть.

Лена не поняла, в чём дело, но по тону разговора угадала, что случилось нехорошее. У неё сразу вытянулось лицо и глаза стали большие-большие. Василий Георгиевич посмотрел на неё и встал.

— Пойдёмте посмотрим,— сказал он.

У дома старосты сидел на крыльчке Александр Тимофеевич, маленький старичок с козлиной бородкой. Он курил неторопливо, с удовольствием. Он наслаждался солнцем, теплом и покоем.

— Афонькин дома?— спросил Василий Георгиевич.

— Спит,— ухмыльнулся Александр Тимофеевич.— Делать ему нечего, так он теперь целые дни спит. Не жизнь, а санаторий.— Он фыркнул и закашлялся.

Василий Георгиевич молча поднялся на крыльцо и вошёл в избу. Мальчики и сторож вошли за ним. Они сразу увидели, что старосты нет. Изба была пуста, и маленькое окошечко, выходявшее на огород, осталось открытым настежь.

Василий Георгиевич крикнул и сел на табурет.

— Проворонил! Проспал! Убить тебя мало!— кричал он на сторожа и, не слушая оправданий растерянного старика, вышел из избы.

Через двадцать минут в доме Александры Петровны состоялся «военный совет». Василий Георгиевич, тяжело ступая, ходил из угла в угол. Александра Петровна сидела у стола на табурете и зашивала Колину куртку. Владик, Коля и Лена расселись на кровати и молча слушали.

— Здесь оставаться нельзя,— говорил Василий Георгиевич.— Девочка — не иголка. Ни в каких погребах не спрячешь. Деревенька маленькая — дол-

го ли обыскать! Соберёмся мы и уйдём в лес. Кто нас в лесу отыщет? Недельку проживём индейцами, потом даже весело вспоминать будет.

Александра Петровна откусила нитку и разгладила на столе зашитое место.

— Весело!— сказала она.— Во-первых, могут найти. Случайно, или староста наведёт на след, или просто прочешут лес. Потом, когда гитлеровцы отступать станут, всякий сброд по всем лесам разбредётся. Нет, это не годится.

Василий Георгиевич фыркнул, постоял, сердито глядя на Александру Петровну, но не нашёлся, что возразить, и снова зашагал по комнате.

— Значит, надо идти в другую деревню,— сказал он.— В такую, в которой уже искали Лену. Прятаться-то, наверное, не больше недели придётся.

— В деревне не спрячешься,— спокойно возразила Александра Петровна.— Если у нас староста нашёлся, то и в любой деревне может прохвост найтись.

Василий Георгиевич фыркнул ещё громче и ещё громче затопал по полу.

— Ну-с, так что же вы предлагаете?

— В город надо идти. Кто там у вас из старых друзей остался? Конушкин там?

— Там, кажется.

— Ну вот, Конушкин спрячет. А не Конушкин — другой кто-нибудь. Да и не придёт никому в голову в городе вас искать.

Василий Георгиевич пофыркал, но не нашёл никаких возражений.

— Выходить надо сейчас же,— сказал он таким тоном, как будто никогда и спору не было о том, куда идти.

Вышли всё же не скоро. Пока собирали еду на дорогу, пока прощались с Александрой Петровной, с

Владиком, которого отец отказался взять, несмотря на его просьбы, прошло часа два.

Солнце уже клонилось к западу, когда фельдшер, Коля и Лена обогнули озеро. Деревня скрылась за лесом.

— Знаете что?— сказал Василий Георгиевич.— Не стоит, пожалуй, идти по тропинке. Мало ли кого встретить можно! Пойдёмте-ка напрямиком через лес.

Они вступили в прохладную тень берёзы. Огибая деревья, порой пробираясь через кустарники, поднялись они на холм. Отсюда снова стали видны деревня и озеро, похожее на тарелку, лежащую на зелёном бархате. Тропинка вилась вниз. Кроны огромных деревьев раскачивались. Ветер был прохладен и свеж. Приятно было смотреть с высоты на знакомые места.

Вдруг фельдшер схватил детей за руки и оттащил их за дерево. По тропинке, направляясь к деревне, торопливым шагом шёл человек. Коля высунулся из-за ствола и отшатнулся. Он сразу узнал и холщовые штаны, и рубаху, и вещевой мешок, висящий на одном плече, и рукав, засунутый за пояс.

— Это он!— зашептал Коля.— Это он, Василий Георгиевич! Однорукий!

Фельдшер охнул и осторожно выглянул из-за ствола. Однорукий, видимо, очень торопился. Он шёл не оглядываясь, всё ускоряя шаг. Вот он скрылся за деревьями, появился снова и окончательно исчез за поворотом.

— Да,— сказал Василий Георгиевич,— в самое время ушли из деревни! Задержались бы ещё на час — и попали бы как кур во щи.

После этой встречи они шли не останавливаясь, до тех пор пока не село солнце. Последний час Василий Георгиевич нёс Лену на плечах, и они шли

гораздо медленней. В общем, фельдшер был недоволен.

— Мало, мало прошли! — говорил он. — Так мы и за три дня до города не доберёмся.

Но делать было нечего. Лена после болезни легко уставала. Быстрее идти было невозможно. Ночевали под огромной сосной. Заснули сразу и проснулись, когда солнце уже взошло. Фельдшер, поколебавшись, решил всё же разложить небольшой костёр, и они вскипятили чайник.

После завтрака снова двинулись в путь. Отсюда просёлочная дорога была уже недалеко.

Глава двадцать вторая

Обозы движутся по дороге

К просёлочной дороге рассчитывали подойти в полдень. Но часов в одиннадцать услышали голоса. Коля пополз разведать, в чём дело, и, вернувшись, сообщил, что возле дороги стоит немецкая батарея и по лесу ходят артиллеристы. Тогда решили идти и дальше прямо лесом.

Километра три шли спокойно. Но вдруг щёлкнул выстрел, и пуля, пролетев над самой головой Лены, ударилась в молодую берёзку. Фельдшер толкнул детей в траву и сам упал рядом. Это было очень своевременно — сразу же свистнула вторая пуля.

На этот раз Коля заметил, откуда стреляют: за большой, высокой сосной стоял человек; он высунулся, выстрелил и снова спрятался за сосну.

Положение было глупое и опасное. Неизвестно было, кто этот человек и что ему нужно. Василий Георгиевич вытащил огромный маузер и оглядел его с некоторым недоверием. Он, кажется, неясно представлял, как из этой машины стреляют. Неизвест-

ный перебежал за другое дерево, поближе. Он был в форменном немецком мундире, но без шапки. В руке у него был пистолет. Василий Георгиевич вскинул маузер и сильно нажал курок, но маузер молчал, как проклятый. Фельдшер, чертыхаясь, стал с ним возиться. Решив, что у противника нет оружия, неизвестный осмелел.

— Сдавайся! Сдавайся!— закричал он по-русски и быстро пополз вперёд.

Он был уже совсем близко, а Василий Георгиевич всё чертыхался, возясь с маузером, и проклинал «эту дурацкую машину». Неожиданно маузер выстрелил. Хотя пуля пролетела у самого Колиного уха и ушла куда-то далеко в лес, неизвестный упал на колени и поднял руки. Тогда фельдшер вскочил и, размахивая маузером с таким видом, как будто он может заставить его стрелять в любую минуту, побежал вперёд.

Неизвестный стоял на коленях, подняв руки.

— Дезертир я, дезертир!— сказал он.

Василий Георгиевич хмыкнул.

— Так,— сказал он.— Ну что же, ты —туда, мы — сюда.— Он указал противоположные направления.

Дезертир радостно заулыбался и повторил:

— Ты —туда, ми — сюда.

Коля наклонился и поднял пистолет, брошенный дезертиром.

Они пошли, всё время оглядываясь назад и показывая дезертиру маузер и пистолет. Отойдя шагов сто, они перестали беречься и повернулись к дезертиру спиной. И сразу раздался выстрел. Видимо, у дезертира был ещё один пистолет. Василий Георгиевич налился кровью и, яростно заревев, ринулся вслед за дезертиром. Но тот, увидев, что промахнулся, взмахнул руками и скрылся за деревьями.

— Чёрт проклятый! — сказал Василий Георгиевич. — Надо глядеть в оба. Теперь начнут они шляться по лесу.

Впрочем, лес казался пустынным. Выбрав местечко, закрытое со всех сторон кустарником, они пообедали и пошли дальше. К шоссе вышли в сумерки. Вышли и сразу поняли, что перейти шоссе невозможно. Непрерывным потоком шли немецкие обозы. Ездовые погоняли крестьянских лошадок, груженных военным имуществом и офицерскими чемоданами. На телеги наезжали машины с офицерами, офицерскими жёнами, баулами, корзинами и сундуками. Ползли, грохоча, орудия. Мотоциклы, оглушительно треща, пытались проскочить между машинами. Гудки гудели, моторы трещали, шофёры ругались, лошади ржали, офицеры кричали и размахивали пистолетами.

— Да, — сказал Василий Георгиевич, — интересное зрелище! И всё-таки эту бурную речку нам с вами придётся переплыть.

Они стояли, скрытые кустарником, и смотрели на непроходимый поток. Сумерки сгущались, стало почти темно, а машины катились, обозы тянулись, орудия грохотали, и не было этому конца.

Совсем стемнело, когда налетели советские самолёты. Они появились из-за леса и сбросили осветительные ракеты. Яркие лампы повисли над дорогой и медленно опускались, освещая всё вокруг. Это были разведчики. Они не бомбили и не обстреливали дорогу, но паника поднялась ужасающая.

Храпящие лошади потащили повозки через пни, валежник и корни. Машины обдирали бока о стволы деревьев, сосновые ветки срывали брезенты с телег и грузовиков.

Василий Георгиевич и дети оказались в центре водоворота. Сквозь редкий кустарник их было от-

лично видно, но в панике на них никто не обратил внимания.

Самолёты улетели. В небе погасли лампы. Повозки, машины и пешеходы стали возвращаться назад, на дорогу. В эту минуту Василий Георгиевич схватил за руки Лену и Колю. Втроем они быстро перебежали дорогу. И теперь тоже никто не обратил на них внимания. Сзади снова начали реветь гудки, ржать лошади, трещать мотоциклы. Но шум постепенно стихал.

Скоро лес стал молчалив и пустынен. Потом расступились деревья. В звёздном неясном свете лежал замерший город.

Глава двадцать третья

Все собираются в подвале

Крадучись шли беглецы по пустым и безмолвным улицам. Казалось, ни одного человека не было в целом городе. У маленького одноэтажного домика с наглухо запертыми ставнями фельдшер остановился и постучал в дверь. Никто не откликнулся. Фельдшер постучал громче, потом ещё громче, потом заколотил изо всей силы. Наконец откуда-то снизу, как будто из-под земли, мужской голос предупредил:

— Осторожнее! У нас есть оружие. Мы будем стрелять.— И, обращаясь, по-видимому, к кому-то другому, добавил:— Васька, тащи пулемёт!

— Что вы валяете дурака! — рассердился фельдшер.— Мне нужен Конушкин, агроном Конушкин. Вы понимаете?

— А вы кто такой? — спросили снизу.

— Я его приятель, Василий Георгиевич Голубков. Передайте ему, если он здесь.

Только теперь Коля понял, что голос доносился из подвального окошечка.

Втроём они быстро перебежали дорогу.

— Боже мой,— сказал голос,— Василий Георгиевич! Ты ли это, друг дорогой?

— Кто это?— заволновался фельдшер.

— Это я, Евстигнеев!

— Ох, старый дурень,— заревел фельдшер,— так чего же ты под землёй хоронишься? Иди сюда, я тебя поделу!

— Нет, лучше ты иди сюда,— сказал Евстигнеев.— Нынче спокойнее в подвале.

— Слушай, Петя, во-первых, откуда у тебя пулемёт, а во-вторых, где Конушкин? Мне, понимаешь, Конушкин нужен.

— Насчёт пулемёта я соврал для острастки, а Конушкин у себя на новой квартире. Здесь офицеры жили, и он отсюда переселился. Знаешь, где раньше Елизавета Карповна жила? Он там. Тоже, наверное, в подвале.

— Так,— сказал Василий Георгиевич.— До свиданья, Петя, пойду к нему.

— Ладно,— сказал Евстигнеев.— Может, завтра наши придут, тогда увидимся. А Конушкина сегодня уж спрашивали. «Конушкина,— говорят,— нет?»— «Нет»,— говорю. «А Голубкова, Василия Георгиевича, случайно, нет?»— «Эк,— говорю,— вспомнили! Да я уж его года два не видел».

— И меня спрашивали?— заволновался фельдшер.— А кто?

— Разве я знаю?— донёсся из-под земли голос.— Разве отсюда разглядишь? Одни только ноги видны, и то неясно.

Василий Георгиевич дёрнул за руки Лёну и Колю:

— Ладно, пойдёмте.

Они снова шли по пустынной и тёмной улице. Издали доносилась ружейная перестрелка, где-то затарахтел пулемёт, потом раздался отчаянный

крик, и всё стихло. И вдруг ударила артиллерия. Ударила с такой оглушительной силой, что слышно было, как дребезжат стёкла в домах. Вспышки осветили тёмное небо, и грохот разрывов слился в один непрерывающийся гул.

— Скорее, скорее! — торопил детей Василий Георгиевич. — Мы, кажется, попадём в самую кашу.

Они добежали до дома, где должен был находиться Конушкин. Улицы то возникали из темноты, когда небо освещалось заревом вспышек, то снова исчезали. Мелькали дома, палисадники, деревья, росшие вдоль тротуаров. Город как будто вымер.

Фронт был уже так близко, что поспешно сбежали и полиция, и комендатура, и бургомистр со всем своим штатом. Жители, уцелевшие после трёх лет оккупации, прятались по подвалам. Только один раз по улице пробежал сумасшедший, одетый в мешок с дырками, прорезанными для головы и рук.

— Гоните ногами шарики! — кричал он. — Гоните ногами шарики! — В голосе его были и отчаяние и страх. Он промчался мимо. Ещё раз издалека донеслось: — Шарики, гоните ногами шарики!

И снова на улицах стало мертво. Только всё громче била вдали артиллерия, и где-то — кажется, совсем близко — загрохотали танки. Грохот нарастал, заполнил всё вокруг и затих. Танки прошли мимо.

Двухэтажный дом казался высоким в этом городе одноэтажных домов. Изо всех сил Василий Георгиевич заколотил в дверь. И снова послышался голос снизу, как будто из-под земли:

— Кто там? Что надо?

— Конушкин, — сказал Василий Георгиевич, — это я, Голубков, фельдшер Голубков.

— Наконец-то! — послышался снизу голос. — Иди правее, увидишь спуск в подвал.

Они побежали вдоль дома, и, когда спустились по лесенке, дверь уже была отворена. Они вошли в тёмный, сырой коридор. Быстро прошли они по коридору. Перед ними было большое низкое помещение. Какие-то люди шли навстречу. Фокстерьер, тот самый фокстерьер, который принадлежал Владiku, радостно визжа, прыгнул к Коле и начал тереться о его ноги. Тут же стоял сам Владик. Он улыбался и протягивал Коле руку. И вдруг раздался голос, хорошо памятный Коле:

— Наконец-то! А я уж думал, что никогда с вами не встречусь.

Коля обернулся. Перед ним стоял однорукий и торжествующе улыбался... Да, всё было как в кошмарном сне.

Схватив Лену за руку, Коля выбежал в коридор. Последнее, что он видел, было растерянное лицо однорукого. Коля захлопнул дверь и быстро потащил Лену по коридору. Наружную дверь он захлопнул тоже и заложил снаружи железным болтом. Теперь преследователь был заперт в подвале. Секунду они могли отдышаться.

— Коля, почему мы бежим? Что случилось?

— Это тот самый, однорукий... Ты понимаешь, Лена? Нам надо спастись.

— А почему же там Владик?— удивилась Лена.— А почему Василий Георгиевич?

— Не знаю. Я ничего не знаю. Я знаю одно: от этого человека я должен тебя спасти.

Изнутри колотили в дверь.

— Коля,— кричали оттуда,— Коля, открой!

— Бежим!— сказал Коля.

Они побежали по пустой улице. На углу Коля остановился и посмотрел назад. Из подвального окна падал на улицу свет. Тёмные фигуры одна за другой вылезали из подвала. Когда улицу осветила очеред-

ная вспышка, Коля увидел фокстерьера, мчавшегося за ними.

Коля дёрнул Лену за руку, и они побежали дальше по переулку. Они задохались, кровь громко стучала у них в ушах, и сзади они слышали топот и крики преследователей.

Но, может быть, самое страшное — это была собака, маленькая, добрая, знакомая им собака, превратившаяся в неумолимого врага, которая неотвратимо, молча — это было особенно страшно — мчалась по их следам.

Да, всё было совсем так, как бывает в кошмаре.

Они бежали по переулку, и собака уже настигала их — они слышали стук её коготков по камням тротуара. Коля обернулся. В полутьме ему показалось, что собака улыбается. Коля вскрикнул и изо всей силы ударил её ногой. Фокстерьер откатился в сторону. В это время из-за угла уже выбегали преследователи.

Коля и Лена свернули снова. Переулок уходил вверх, в гору. Бежать стало очень тяжело. Лена задохалась. Коле приходилось всё сильнее и сильнее тянуть её за собой. Переулок изгибался и вдруг за поворотом упёрся в стену. Коля понял: они попали в тупик. И это было тоже как во сне. Выхода не было. Бежать назад было поздно. Они уже слышали торопливые шаги преследователей. В отчаянии Коля оглядывался вокруг.

— Коля, может быть, не надо больше бежать? Пусть догоняют и делают что хотят. Я не могу больше, Коля!

В темноте Коля услышал, как она всхлипывает. Он весь дрожал от ужаса и жалости.

— Леночка, — сказал он задыхаясь, — ну не надо! Ну ещё немножко. Ведь только до завтра. Завтра наши уже будут здесь. Ты знаешь, что я

придумал? У меня есть пистолет. Ты беги, а я буду отстреливаться. Я задержу их, а ты пока спрячься где-нибудь в подворотне. Скорее, скорее!

Он вытащил пистолет из кармана и торопил её. Но она не уходила.

— Нет,— сказала она печально и спокойно,— я от тебя не уйду, Коля. Что я без тебя буду делать?

И эти слова наполнили Колино сердце такой благодарностью и нежностью к ней, что он обнял её и крепко поцеловал.

Оба они стали как-то спокойнее. Они вошли в дверную нишу, и Коля вытащил пистолет.

Преследователи показались из-за поворота. Очередная вспышка осветила их. Они стояли группой посреди мостовой и совещались. Жук бегал вокруг и вертел обрубок хвоста.

Делать было больше нечего. Надо было ждать.

При вспышках Коля видел совсем ясно чёрные их силуэты. Коля никогда не пробовал стрелять, но ему почему-то казалось, что сегодня он не промахнётся.

Совещание кончилось. Василий Георгиевич — Коля сразу узнал его — решительно пошёл вперёд. Остальные стояли и ждали.

— Коля!— крикнул Василий Георгиевич.— Коля, это я! Ты меня узнаёшь?

— Не подходите, Василий Георгиевич!— ответил Коля.— Я вас узнаю. И я не знаю, почему вы помогаете нас ловить, но всё равно я не сдамся.

— Коля,— сказал Василий Георгиевич,— подожди минутку, не волнуйся! Выслушай сначала, что я тебе скажу. У меня в руке письмо. Вот оно, ты его видишь?— Он помахал квадратиком бумаги.— Очень важно, чтобы ты его прочёл. Оно адресовано тебе. Вот я его вкладываю собаке в пасть. Она его

— Ты беги... Я задержу их.

тебе принесёт. При вспышках довольно светло — ты сумеешь прочесть. Потом, если ты захочешь, мы уйдём, и вы с Леной можете идти куда угодно. Ты согласен, Коля?

Коля быстро решал. Кажется, здесь не могло быть подвоха. Но, с другой стороны, все эти взрослые опытнее и хитрее его. Ещё и ещё раз обдумывал он предложение фельдшера. Нет, кажется, ничего не могло случиться.

— Хорошо, — крикнул он, — посылайте собаку!

Василий Георгиевич скомандовал, и собака с письмом в зубах побежала к Коле. Фельдшер отошёл назад, и все четверо стояли неподвижно, не делая никаких попыток приблизиться. Коля взял письмо. Жук завиллял обрубок хвоста и, подбежав к Лене, стал на задние лапы. Вспышка осветила улицу.

«Дорогой Коля, — было написано в письме, — человек, который передаст тебе это письмо...»

Снова наступила темнота. Одно было несомненно: почерк был Ивана Игнатьевича. Снова вспышка.

«Однорукий, которого я велел тебе остерегаться...»

Снова темно. Хоть бы скорее вспышка!.. И снова свет.

«...не враг, а друг. Он должен доставить Лену туда же, куда должен доставить её и ты...»

Опять темнота, и опять вспышка.

«Доверься ему. Повторяю, он друг и послан друзьями. Твой дед».

И тогда Коля сел на крыльцо и заплакал. Он плакал, пока страшный человек, которого Коля так долго боялся, обнимал его единственной своей рукой, пока Владик и фельдшер хлопали его по плечу, пока кто-то, незнакомый Коле — он оказался потом агрономом Конушкиным, — торопил их, говоря, что на

улице очень опасно и надо скорее спускаться в подвал. Он всхлипывал ещё и тогда, когда они сидели уже в подвале и пили чай, а Жук, виляя обрубок хвоста, радостно бросался то на него, то на Лену.

Глава двадцать четвёртая

Долгая ночь

Однорукий, которого звали Иван Тарасович Гуров, протянул Лене пакетик с сахаром и сказал, улыбаясь:

— Мне всё-таки удалось ещё раз угостить тебя. И, надеюсь, сейчас ты уже не убежишь.

Лена засмеялась, и все засмеялись тоже. Теперь, когда Коля знал, что Гуров совсем не враг и от него не надо спасаться, однорукий казался удивительно милым, приятным человеком. Раньше его лицо казалось Коле лукавым, а теперь, ничуть не изменившись, оно было весёлым и добрым.

Коле стало смешно. Он не удержался и сказал это Гурову. Все засмеялись снова, и Гуров смеялся громче всех.

Когда смех затих, Иван Тарасович начал рассказывать о том, как он искал Лену.

— Когда доктора Кречетова арестовали, сестра его разболтала в комендатуре, что дочь Рогачёва живёт где-то в лесу, на одиноком хуторе, с учителем Соломиным. Надеялась ли она брата спасти или просто такая подлая женщина, этого я уж не знаю. Во всяком случае, доктора фашисты повесили, а дочерью Рогачёва очень заинтересовались. Повсюду они искали вас, но найти не могли — очень уж вы уединённо жили. В запольской комендатуре работал курьером один глухой старичок. Его за глухоту и держали, считали, что он всё равно ничего не

услышит, и разговаривали при нём совершенно свободно. На самом деле старик совсем не был глух, прекрасно слышал всё, что нужно, и постоянно сообщал командиру отряда важные новости. Передал он и рассказ старухи Кречетовой. Ещё раньше лётчики, прилетавшие с Большой земли, рассказывали, что семья Рогачёва осталась в Запольске, но сведений о ней не было никаких, и все думали, что она погибла при бомбардировке. Теперь же, узнав точно, что дочь Рогачёва жива, мы решили во что бы то ни стало её разыскать.

Гуров достал папироску и закурил. В подвале было светло и, в сущности говоря, уютно. Кроме Лены, Коли, Владика, Конушкина, Голубкова и Гурова, здесь были ещё добродушная старушка, которая разливала чай, и маленький мальчик, её внук, который спал так блаженно, как будто никакой войны и в помине нет. Ухала артиллерия, но к ней привыкли и не обращали на неё внимания. Иногда издалека доносился грохот танков, и тогда все замолкали и вслушивались. Но танки проходили, и разговор продолжался.

— Мы дали задание всем разведчикам расспрашивать о Соломине и выяснить, где он живёт, — рассказывал Гуров. — Долго мы не имели никаких известий и уже совсем потеряли надежду. Вдруг один паренёк вернулся с разведки и говорит: «Про Соломина ходит слух, что он живёт с внуком и внучкой на отдалённом хуторе и хутор этот находится там-то». Тогда командир отряда вызвал меня и велел мне пойти к Соломину, рассказать ему, кто я, и забрать девочку. «Тебе, — говорит, — с одной рукой в боях участвовать трудно, а тут ты доброе дело сделаешь. Когда к нам опять самолёт прилетит, мы на него девочку эту посадим. Всё-таки боевому генералу такой ценнейший подарок».

Иван Тарасович погасил папироску, налил себе чаю и разгрыз кусок сахара.

Неожиданно где-то совсем недалеко забухали пушки. Это было гораздо ближе, чем раньше. Старушка испуганно посмотрела на Ивана Тарасовича.

— Ничего, бабушка,— объяснил Иван Тарасович,— вы не тревожьтесь. Это гитлеровская батарея, она немножечко постреляет и поедет дальше. Здесь у фашистов укреплений никаких нет. Это я вам могу точно сказать. Укрепления у них были километрах в пятидесяти отсюда. Теперь фашистам придётся отходить ещё километров на тридцать. Там они, наверное, попытаются задержаться на реке. А здесь, поскольку Запольск в стороне от шоссе и никак для обороны не приспособлен, я серьёзных боёв не предвижу. Конечно, будут уличные стычки, может быть, несколько танков попробуют задержаться, но не думаю, чтобы могло случиться что-нибудь очень страшное.

— Ох, милый...— вздохнула старушка,— разве теперь поймёшь, где страшное, а где не страшное!

— Да, так вот,— продолжал Иван Тарасович,— отправился я к Соломину, ну и вы уже знаете, как он меня обманул. Вернулся с этого озера и говорю: «Вы меня обманули, но вы раскаетесь». Рассказал, кто я такой и зачем я Лёну искал. Действительно, старик очень раскаивался. «Сам,— говорит,— не знаю, где их искать. Должно быть, они на пароходе поедут». От волнения он не предупредил меня, что велел вам остерегаться однорукого.

Когда пароход отошёл, а вы не вернулись, я сразу понял, в чём дело. Как я себя ругал! Я очень боялся, что вы попадёте в Кречетовой. Вы ведь не знали, что она вас выдала. Перехватить вас в дороге не удалось. Связаться со своими я не успел, а само-

му мне в городе приходилось вести себя очень осторожно — там меня многие знали: я лет десять работал в типографии.

Когда началась облава на детей, я понял, что ищут вас, но не знал, где вы прячетесь. Потом мне сообщили, что вам удалось уйти, и наши стали искать вас по всем дорогам, по всем деревням. Но вы как в воду канули.

А в это время и гитлеровцы взялись энергично за дело. Видимо, решили во что бы то ни стало, уходя, забрать с собою дочь Рогачёва. Я очень за вас беспокоился. Да ещё начальник отряда устроил мне головомойку и очень меня пристыдил.

Решил я сам обойти близлежащие деревни. Во всех деревнях побывал, а до той, где вы жили, никак добраться не мог. Наконец отправился и туда. По дороге встречаю какого-то хитрого старичка с рыжей бородкой. Я его спрашиваю, как пройти. Он объясняет.

«А вы, — говорю, — не оттуда?»

«Оттуда».

«А не поселились ли недавно в вашей деревне мальчик и девочка?»

Тут он на меня внимательно посмотрел и говорит:

«А вы этих детей ищете?»

«Да, — говорю, — ищу».

«Вы девочку ищете?»

«Да, девочку».

Я ничего ещё не понимал, но решил осторожно выяснить, зачем он меня расспрашивает. А пока со всем соглашался.

«Вам поручили её найти?» — спрашивает он.

«Поручили».

«А зачем?»

«Этого я вам сказать не могу».

«А чья она дочь, вы знаете?»

«Знаю».

«А чья?»

«Вы сначала скажите».

«Нет, вы».

Спорили, спорили, никак столковаться не можем, кто первый фамилию назовёт. Наконец он пошёл на уступку:

«Скажите две первые буквы».

Я говорю:

«Ро...»

Он обрадовался ужасно.

«Вы, наверное,— говорит,— в комендатуре работаете?»

«В комендатуре»,— говорю.

Он за руку меня схватил, по плечу хлопает, чуть-чуть не расцеловал!

«Ох,— говорит,— какая удача! Я знаю, что вы девчонку ищете, давно уже хотел донести вам, что она у нас, да меня мужики задержали — можно сказать, арестовали. Только сейчас удалось бежать. Я как вас увидел, так и подумал, что вы по этому делу. Я староста здешний, Афонькин. Может, слышали?»

«Слыхал,— говорю,— как же! Вот хорошо, что мы с вами встретились!»

А сам думаю: как же быть? Отпустить его — он в комендатуру сообщит, неприятности получатся. Задержать? Но как? Он, конечно, старик, но у меня руки нет. А оружия я не взял с собой: боялся на обыск налететь.

«Знаете,— говорю,— Афонькин, вы меня тут часок-другой подождите, я в деревню схожу. А на обратном пути возьму вас с собой и сам представлю коменданту. Ручаюсь, что наградой вас не обидят».

Договорились. Он рассказал мне, у кого живут дети, и я пошёл. «Покажу,— думаю,— фельдшеру письмо Соломина и попрошу, чтобы он детей подготовил, чтоб они меня не пугались». Пришёл, а вас уже и след простыл. Опять неудача...

Непрерывно и совсем рядом били орудия. Застрочили пулемёты. Раздался взрыв, и сквозь плотные ставни донеслась ружейная перестрелка.

— Ой,— сказала старушка,— кажется, совсем близко!

— Чёрт!— Василий Георгиевич вскочил.— Не могу я сидеть спокойно! Вы подумайте: последняя ночь оккупации! Может быть, завтра утром всё это кончится, и снова начнётся жизнь.

— Мы в отряде старались не говорить об этом,— сказал Гуров.— Надо работать и делать своё дело, а то от нетерпения с ума сойдёшь.

— Ну-ну,— сказал фельдшер,— что же дальше?

— Ну так вот... Письмо Соломина я показал Владу, и решили мы с ним двигаться сюда. А одновременно вашим я объяснил, где ждёт Афонькин, и они пошли вместо меня на свидание. Думаю, что ему было невесело... Мы с Владиком вышли сразу же и шли, видать, гораздо быстрее вас. Пришли, а вас нет. Неужели, думаю, опять случилось что-нибудь? Но тут и вы наконец пожаловали...

Наступило молчание. Все невольно прислушивались к тому, что происходило на улице. Крики донеслись сквозь ставни, и слышно было, как мимо окон, переговариваясь, пробежали какие-то люди.

— Господи,— сказал Конушкин,— а вы знаете, я не верю! Не могу представить себе, что завтра выйду на улицу — и пожалуйста, я у себя дома, никого и ничего не боюсь! Ты себе представляешь это, Василий Георгиевич?

В дверь заколотили. Все вздрогнули.

— Спокойно! — сказал Гуров. — Сейчас выясним, что случилось.

Не торопясь он вышел в коридор.

Старушка, фельдшер, Конушкин и дети стояли прислушиваясь.

— Кто там? — спросил Иван Тарасович.

— Открывать! — послышался голос. — Сейчас открывать!

— Люди спят, — вразумительно сказал Гуров, — а вы их беспокоите. Приходите утром, тогда и поговорим.

В дверь снова заколотили, и на этот раз прикладами. Засовы прыгали, дверь шаталась.

— Открывать, открывать! — снова раздался голос. — Взрываю гранату!

Гуров вопросительно посмотрел назад.

И фельдшер и Конушкин отрицательно качали головами.

— Правильно! — сказал Гуров. — Помирать, так с музыкой. — И крикнул: — Утром приходите — будем рады, а сейчас никак нельзя.

Василий Георгиевич вытащил свой знаменитый маузер. Где-то недалеко ухнул взрыв. Все невольно пригнули голову.

По улице, грохоча, проехали танки. Начали бить автоматы и били не переставая. Снова бежали по улице люди. Раз за разом рывкала небольшая пушечка. Над домом прошли самолёты. И, когда затих мощный, всё заглушающий рёв их моторов, все заметили, что стало гораздо тише. Пушечка больше уже не рывкала, и автоматы били где-то совсем далеко.

И снова в дверь постучали.

— Ну, что же вы не бросаете гранату? — вежливо спросил Гуров.

— Если тут кто есть, вылезайте! — слышалось за дверью. — Кончено, отбили ваш городишко.

Гуров и Василий Георгиевич ринулись к двери. Руки у них прыгали, и засов не слушался. Мешая друг другу, они всё-таки отодвинули его.

Дверь распахнулась. Раннее солнце ворвалось в подвал, и все зажмурились — так ярок был его свет. Советский солдат с чёрным от пыли лицом, с потрескавшимися, пересохшими губами стоял в дверях.

В это время мальчик, спавший в подвале, проснулся и вышел в коридор. Видя, что никто на него не обращает внимания, он потянул старушку за платье.

— Бабушка, — сказал он, — я встал уже. Я одеваться хочу. Уже время.

— Время, — сказала старушка, — самое время! — и заплакала.

Глава двадцать пятая

Лена! Лена!

На следующий день к дому школы-десятилетки, в котором разместился штаб крупного войскового соединения, держась за руки, подошли мальчик и девочка. У входа в здание стояли офицеры, курили, беседовали и ждали, пока их вызовут в штаб. Обратившись к одному из офицеров, мальчик сказал:

— Товарищ командир, мне нужно повидать генерала Рогачёва.

Офицер посмотрел на него и сощурил глаза.

— А по какому, простите, делу? — спросил он подчёркнуто вежливо, хотя глаза его щурились и, кажется, он с трудом сдерживал улыбку.

— По личному, — коротко и с достоинством ответил мальчик.

— Ах, по личному! — сказал офицер, и другие офицеры, стоявшие вокруг, переглянулись и засмеялись. — Интересно, почему это всем гражданам вашего возраста или немного моложе нужен именно генерал Рогачёв и именно по личному делу?

— Не знаю.

— Я вам дам добрый совет, молодой товарищ. Пройдите в тот дом на углу, там помещается политотдел. И там вам, без сомнения, объяснят, что молодой человек вашего возраста может приносить пользу Родине и не записываясь добровольцем в армию.

Офицеры, стоявшие вокруг, засмеялись. Коля вспыхнул и беспомощно посмотрел на Лену. Лена ответила ему таким же беспомощным взглядом. Тогда они отошли в сторону и сели на ступеньку крыльца соседнего дома.

Надо было серьёзно подумать о том, как действовать дальше. Сейчас они были предоставлены самим себе, и никто им больше не помогал. И Василий Георгиевич и Гуров, отговорившись делами, решительно отказались идти к Рогачёву. Коля понимал, что они не хотели напрашиваться на благодарность генерала. Так или иначе, дети остались одни. Лена очень волновалась и ничего не могла придумать, да и Коле никакие планы не приходили в голову.

К подъезду штаба подъехала машина. Низенький седой генерал вышел из неё и прошёл в штаб. Офицеры вытянулись и козырнули. И опять на улице было тихо, и только далеко-далеко слышался артиллерийский гул. Там продолжали наступать наши части.

Коле очень хотелось есть. Он был уверен, что сейчас же попадёт к Рогачёву и тот его, наверное, накормит обедом, прежде чем отпустить обратно к деду. Он почти не ел утром от волнения и не взял

ничего из запасов Василия Георгиевича. Кроме того, было очень обидно, что после всех приключений с ним даже не хотят серьезно разговаривать. И ещё Лена смотрела на него умоляющими глазами. Она верила, что он всё может придумать и уладить.

Коля совсем расстроился. Почему, в конце концов, так на него рассчитывают? Не может он для всех всё придумывать! Он даже стал ворчать вполголоса:

— Ну, не пускают и не пускают! И ничего я не могу сделать. Что мог, я делал. А тут не могу. Не могу, и всё тут.

Даже не оборачиваясь, он чувствовал на себе жалобный и беспомощный взгляд Лены.

Он встал и взял Лену за руку:

— Пойдём попробуем ещё.

Около штаба стояли теперь другие офицеры. Однако и они также усмехнулись, когда Коля сказал, что ему нужно к Рогачёву. И только посоветовали идти не в политотдел, а в горсовет, который уже, наверное, начал работать.

Но теперь Коля решил не отступать.

— Дело в том, — сказал он, — что эта девочка — дочь Рогачёва. Вот, как хотите, так и делайте. А мне что? Пожалуйста, я уйду.

Один из офицеров, отвернувшийся было, считая, что разговор окончен, резко повернулся к нему.

— Что, что? — сказал он. — Что ты говоришь?

— То и говорю, — мрачно буркнул Коля, — дочь генерала Рогачёва. А там ваше дело. Не хотите пускать — не пускайте. Пожалуйста, я уйду.

Ещё два офицера подошли к ним и стали прислушиваться.

— Товарищ майор, — сказал один из них, — может, это действительно верно! Я слышал, что семья генерал-полковника была в оккупации.

Рогачёв подхватил Лену на руки.

Майор повернулся, хотел сказать что-то часовому, но в этот момент из подъезда вышел генерал.

Коля сразу понял, что это он. Коля почувствовал это по напряжению, с которым вытянулись и козырнули офицеры, по тому, как дрогнула рука Лены в его руке.

Рогачёв был высокий полный человек в генеральском мундире, с тремя большими звёздами на погонах. Из-под фуражки видны были седые виски. Он вежливо козырнул офицерам и шагнул к машине.

И тут Коля решил.

— Товарищ генерал! — крикнул он неожиданно тонким, мальчишеским голосом и, таща за собой Лену, подбежал к генералу.

Генерал повернулся и посмотрел на него внимательно и серьёзно.

— Товарищ генерал, — говорил Коля, задыхаясь и чуть не плача, — я... мы... Дедушка велел разыскать вас!

Генерал смотрел мимо него. Глаза у него были удивлённые и очень большие.

— Лена! — сказал генерал и повторил: — Лена!!

Лена стояла открыв рот, не в силах сказать ни слова. Слезы текли по её лицу, и губы вздрагивали. Генерал опустил голову и сразу стал как-то гораздо меньше ростом. Коля увидел, что у генерала Рогачёва тоже дрожат губы, он хотел что-то сказать и не смог. Рогачёв сделал шаг вперёд, подхватил Лену на руки и, повернувшись, быстро пошёл с нею в штаб.

Последнее, что видел Коля, — это плачущее лицо Лены над широкой спиной генерала.

Офицеры молчали. Потом один из них сказал:

— Да, товарищи, вот какие дела бывают!

И тут Коля сквитался с офицерами за всё.

— «В горсовет»! — передразнил он их.— «В горсовет»! Вот вам и горсовет! — И, повернувшись, пошёл вдоль по улице.

За углом его нагнал запыхавшийся капитан. Коля отлично слышал его шаги и оклики:

— Мальчик, мальчик!

Но, во-первых, Коля считал, что он своё дело сделал и теперь ему надо скорее добираться к деду. Нечего ему тут делать, у него свои дела. А во-вторых, он предполагал, что пора перестать называть его мальчиком.

Однако капитан, видимо, сам понял свою ошибку. Он очень вежливо козырнул и сказал:

— Генерал-полковник Рогачёв просит вас зайти к нему.

Коля ничего не ответил. Он очень волновался. У него даже в горле спирало, и было трудно говорить. Он повернулся и пошёл за капитаном.

Генерал встретил его в дверях своего кабинета. Он его обнял и трижды поцеловал, как мужчину мужчину.

Лена сидела в кресле, заплаканная и такая счастливая, что от неё нельзя было добиться ни одного толкового слова. Потом генерала вызвали к прямому проводу, и они остались вдвоём. Лена всё не могла успокоиться и всхлипывала, и Коля, воспользовавшись отсутствием генерала, тоже немного всплакнул.

Потом какой-то майор записывал со слов Коли имена дедушки, фельдшера и всех других. Коля объяснял, что дедушка и Александра Петровна очень далеко, но майор только ухмылялся и говорил, что это не страшно.

Постелили им здесь же, в штабе. Генерал не хотел, чтобы Лена шла ночевать в другой дом. Засыпая, они видели освещённое лампой лицо генерала,

склонившееся над столом, и слышали его тихий и уверенный голос.

Утром детей разбудил дедушка.

За ночь привезли всех: и Соломина, и Александру Петровну, и даже ворона. Немного позже пришли Гуров, Василий Георгиевич, Владик с Жуком и, наконец, Лёша и Нюша, которых долго не могли разыскать. Лёша очень смущался и время от времени громко откашливался, желая показать, что он ничуть не смущается. Нюша держалась уверенно, каждому пожала руку и сказала:

— Ждраштвуйте!

Обедали все вместе. Вспоминали пережитые приключения. Генерал расспрашивал обо всех подробностях и очень волновался.

Иван Игнатьевич рассказал Рогачёву, как погибла мать Лены.

Рогачёв слушал, шагая взад и вперёд по кабинету, а потом долго стоял отвернувшись, смотрел в окно и молчал.

Потом он заговорил о будущем. Конечно, Соломин вернётся сейчас в Запольск, и хорошо было бы, если б Лена пока жила у него.

Соломин очень обрадовался. Ему и самому без Лены было бы скучно. Да и детей не хотелось разлучать.

Соломин и Владiku предложил у себя поселиться, а потом стал и фельдшера и Александру Петровну уговаривать переехать в Запольск.

Они отказались: у них больные, которых бросить нельзя, да и привыкли они к своим местам. Но Владика Василий Георгиевич отпустить согласился и обещал приезжать каждый месяц.

Решили, что после войны Иван Игнатьевич и Коля переедут к Рогачёву в Москву.

— Раз уж повезло Лене,— сказал Рогачёв,— и

она нашла такого деда и такого брата, так нельзя их терять.

После обеда долго ещё сидели и мечтали о том, как война кончится, как будут жить в Москве, как Владик приедет поступать в Медицинский институт, как в воскресенье будут все вместе ходить в театр или в Парк культуры и отдыха.

Жук прыгал вокруг стола, а ворон, склонив голову набок, кричал:

— Воронок, Воронуша! Воронок, Воронуша!

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава первая.</i> Семья Ивана Игнатьевича Соломина увеличивается на одного человека	3
<i>Глава вторая.</i> Жизнь в лесном домике	11
<i>Глава третья.</i> Доктор Кречетов сообщает удивительные вещи	16
<i>Глава четвёртая.</i> В лесной домик приходит неизвестный человек	23
<i>Глава пятая.</i> В дальний путь	28
<i>Глава шестая.</i> Неизвестный человек обгоняет Колю и Лену	33
<i>Глава седьмая.</i> На пароходе поют песню. Неожиданный сосед	36
<i>Глава восьмая.</i> В городе. Сестра доктора Кречетова	42
<i>Глава девятая.</i> Дети приходят на помощь	49
<i>Глава десятая.</i> Нюша, которая знает слишком много	55
<i>Глава одиннадцатая.</i> Коля рассказывает о Рогачёве	63
<i>Глава двенадцатая.</i> Одна в лесу	66
<i>Глава тринадцатая.</i> Невольничий караван	70
<i>Глава четырнадцатая.</i> Поссорились	76
<i>Глава пятнадцатая.</i> Гремит гром, и сверкает молния	81
<i>Глава шестнадцатая.</i> Утро после грозы	89
<i>Глава семнадцатая.</i> Слышна артиллерия	95
<i>Глава восемнадцатая.</i> Фельдшер побеждает болезнь	98
<i>Глава девятнадцатая.</i> После всех тревог короткий отдых	102
<i>Глава двадцатая.</i> Рыбная ловля	106
<i>Глава двадцать первая.</i> Снова в путь	110
<i>Глава двадцать вторая.</i> Обозы движутся по дороге	115
<i>Глава двадцать третья.</i> Все собираются в подвале	118
<i>Глава двадцать четвёртая.</i> Долгая ночь	127
<i>Глава двадцать пятая.</i> Лена! Лена!	134

Для младшего школьного возраста

Рысс Евгений Самойлович

ДЕВОЧКА ИЩЕТ ОТЦА

П о в е с т ь

Ответственный редактор
Л. Г. Тихомирова
Художественный редактор
Б. А. Дехтерёв
Технический редактор
И. П. Данилова
Корректоры

К. П. Тягельская и М. Б. Шварц

Сдано в набор 20/IX 1968 г. Подписано к печати 2/XII 1968 г. Формат 60×84^{1/16}. Печ. л. 9. Усл. печ. л. 8,4. (Уч.-изд. л. 6,42). Тираж 150 000 экз. ТП 1969 № 255. Цена 34 коп. на бум. № 1.

Издательство «Детская литература».

Москва, М. Черкасский пер., 1.

Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Москва, Сущевский вал, 49. Заказ № 3181.

Цена 34 коп.

Издательство «Детская литература»